

Юрий Тихонравов

Поход Ивана-дурака
за СМЫСЛОМ

16+

Литературная премия «Электронная буква – 2020»

Юрий Тихонравов

Поход Ивана-дурака за смыслом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тихонравов Ю. В.

Поход Ивана-дурака за смыслом / Ю. В. Тихонравов — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Литературная премия «Электронная буква – 2020»)

ISBN 978-5-532-93297-5

Сказочное пособие, из которого любой дурак, а тем более умный, может извлечь для себя средства борьбы с экзистенциальным кризисом, то есть с жизненным тупиком и отсутствием всякого смысла. Англичане и американцы называют такое philosophical fiction и creative non-fiction. Наши пока никак толком не называют.

ISBN 978-5-532-93297-5

© Тихонравов Ю. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Решительное предупреждение	5
Часть первая. Призраки смысла и чудовища Тёмного леса	6
Глава I. Пустошь бессмыслицы,	6
Глава II. Дебри переживаний,	9
Глава III. Бурелом нужды,	11
Глава IV. Просека жизни,	14
Глава V. Роща мишеней,	17
Глава VI. Лиственная лествица,	20
Глава VII. Заросли мерил,	23
Глава VIII. Лесостепь-лесотундра-тундростепь,	26
Глава IX. Порубежная опушка,	29
Глава X. Открытая всем ветрам поляна,	32
Глава XI. Внутренняя глушь,	35
Глава XII. Бесконечное чернолесье,	38
Глава XIII. Утёс вечности,	41
Глава XIV. Запредельное облако,	44
Глава XV. Первичное болото,	47
Глава XVI. Топь истории,	50
Глава XVII. Вындрик собака лютый,	54
Часть вторая. Край одиночных смыслов	56
Глава XVIII. Гиперборея – Урочище победолюбцев,	56
Глава XIX. Китеж-град – Урочище миролюбцев,	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юрий Тихонравов

Поход Ивана-дурака за смыслом

Решительное предупреждение

Тут написана чистая и объективная правда. Потому это никакое не художественное произведение вроде романа. Прошу считать это официальным документом. На уровне федерального закона. На уровне федерального закона о введении чрезвычайного военного положения.

Часть первая. Призраки смысла и чудовища Тёмного леса

Глава I. Пустошь бессмыслицы, где царь поручает Ивану-дураку найти смысл

§ 1. Великая Тоска

Быть дураком на Руси – большая свобода, но и никакой ответственности. Много ты можешь говорить и делать всякого, за что умных в бараний рог и на каторгу, а тебе прощают. Потому что дурак же. Так что теперь в дураки большая очередь. Нельзя быть самочинным дураком, надо получить особое царское дозволение. Десятилетиями ждут, а иные так и помирают без благословения в дураки. Если ты дурак настоящий, а не прикидываешься, чтоб государство подорвать или ещё что, царь даёт тебе грамоту – и теперь ты официальный дурак.

Иван, как получил такую грамоту, сразу спросил, а что значит официальный. Никто этого не знает, даже царь, даже самые тайные и коварные его советники, но уже было поздно не простить это Ивану, потому что у него в руках была бумага – официальная. Против официальной сам царь не может пойти. Против любой неофициальной может, а против официальной нет. Потому Ивана в каземат не бросили и язык ему не вырвали раскалёнными щипцами за такой вопрос, а только по щеке потрепали. Официальному дураку положено задавать дурацкие вопросы. Но вот что ему не положено, так это читать что-либо написанное не на заборе и думать больше пяти минут в день.

Но недолго продлилось счастье Ивана-дурака, потому что вдруг наступила Великая Тоска. Всех как подкосило, ведь потерялся смысл что-либо делать. Хватились, а смысла нет. Все сразу перестали не только работать, это-то ладно, но даже любимейшие свои пакости совершать. Так придавила всех эта тоска, что и люди сломались и слегли, и животина всякая, и даже вещи. Табуретки, наличники, кокошники, вилы, грабли – всё стало разваливаться прямо на глазах. По слухам, иные вещи даже заговорили человеческим голосом. Один мужик дрель хотел взять, чтобы хоть денёк развлечься сверлением, а она ему и говорит этак пронзительно: помоги, мол, сил больше нету никаких. И сама тяжёлая, как танк, от полу не оторвать. Так они и пролежали в обнимку до вечера, горько плача. Или баба коромысло хотела зачем-то взять, а оно ей: обоснуй. Обоснуй, зачем ты хочешь меня взять – что ты хочешь со мною делать и какую задачу решать. Вдруг ты ровно то же самое и без меня можешь осуществить. Баба так и осела. Она и сама уже не помнила, зачем ей коромысло, да и не только оно.

Царь нашёл в себе последние силы обратиться к народу: братья и сёстры, вы хоть иногда привставайте с лежанок, чтобы обороноспособность страны поддержать. Нам бы ещё чуть-чуть продержаться, пока враг нас не поработил, а там смысл, может, и сам найдётся. Народ же в ответ ехидно безмолвствовал: а какой нам смысл привставать, какой смысл держаться и какой смысл не поработаться врагом. В общем обороноспособность тоже оказалась в унынии, а для врага только прошлые страхи пока были препятствием. Пошла молва, что это враг именно и похитил смысл, что это его новое оружие такое, хуже ядрёной бомбы. Теперь-то и бомба не нужна.

Коварные и тайные советники царя насоветовали учинить розыск пропавшего смысла, а для того учредить смысловой комитет и призвать туда всех сколько-нибудь образованных

людей. Но оказалось, что образованные люди замаялись пуше прочих: нам, говорят, сперва нужно найти смысл искать смысл, а до того найти смысл искать смысл искать смысл, и так до дурной бесконечности. Так что в комитет пошли одни неофициальные дураки из очереди. Сами посудите, если их даже в дураки не взяли, какой толк от них в поисках смысла.

Тем временем тоска всё тяжелела, так что иных совсем раздавила. Дети – и те почти перестали рождаться, а которые ещё рождались, делали это уже в подавленном и усталом состоянии.

Вот тут-то Иван-дурак и пригодился. Не зря, стало быть, держали в государстве официальных дураков. Пока все лежат в бессилии по полатам, один только дурак и может ходить. Пока все тоскуют, один только дурак и может радоваться жизни. Потому что дурак. Ещё древний грек Аристотель, прозванный за своё коварство Философом, написал в самой главной своей книге, что только дурак, у которого нет ума, способен действовать безо всякого смысла, прочие же того не могут. Потому из других последних сил призвал царь к себе дурака и сказал ему.

- Иди, Иван, и верни нам потерянный смысл, на тебя одна надежда.
- Почему я?
- Потому что ты дурак.
- Не пойду.
- Почему же, Иванушка?
- Потому что я дурак. Официальный. Не по чину мне смыслы искать.
- А я тебя в Сибирь?
- Да нам, дуракам, всё равно – Сибирь, не Сибирь.

Вздыхнул царь и осыпался. Не было смысла даже стражу кликать и в пыточную Ивана отсылать. Тем более что в пыточной палачи тоже валялись разочарованные и ко всему безразличные. Увидел Иван такое дело и говорит.

– Ладно, передумал я. Пойду, пожалуй, отчего же не пойти. Только куда идти и что искать. Как в сказке, не знаю куда и не знаю что.

Царь уже ничего не мог отвечать, только попискивал жалобно. Тут подполз самый тайный и коварный из царских советников и сбивчиво зашипел.

– Это, Иван, Тёмный лес... Туда тебе... Там расспроси...

И отправился Иван-дурак в Тёмный лес, чтобы понять, что же он ищет.

Но советник не унимался и продолжал шипеть вослед.

– Ты только запиши всё, что увидишь или услышишь. А то ведь не запомнишь ничего. Смысл узнаешь, а до нас не донесёшь. Зря только казённые сапоги истопчешь.

– Я писать не умею, а коли бы умел, всё равно бы не писал – не дурацкое это дело.

– Тогда возьми на складе тайную грамоту самописную. Она тебе ещё и по-другому как-нибудь пригодится.

Пошёл Иван на склад, взял грамоту, и тут его как посетит видение или даже два. Не знал Иванушка-дурачок тогда, что с этого времени станут его посещать видения поучительно-идеологического свойства. Потому как если встал на путь поиска смысла, начинается всякое, что никакому дураку прежде не снилось.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь без всякого смысла

Жил-был Иван-дурак. Просто так. Как придётся. Болтался туда-сюда без толку. Потом вдруг помер. Тоже просто так. Как пришлось.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как проживает свою жизнь незнамо ради чего

Жил-был Иван-дурак и не знал, ради чего он живёт. То есть всю свою жизнь не имел даже малейшего представления. Так и помер в полном недоумении.

Глава II. Дебри переживаний, где Жареный Петух кудахчет, что смысл – это чувство

§ 1. Опыт

Тёмный лес у нас на каждом шагу. Отвлёкся, не вписался в поворот – и ты уже в Тёмном лесу. Часто даже невозможно понять, ты там или тут. Иные всю жизнь проводят там, думая, будто живут на Белом Свете. У Ивана такой беды не было, потому что думать ему было запрещено, а думать над запретом он сам не хотел. Поэтому он просто вышел из царского дворца и пошёл куда глаза глядят. Глаза у Ивана всегда были мутные, так что он оглянуться не успел, как уже был посреди Тёмного леса, в самой глухой его чаще.

Прямо перед ним стоял жареный петух, за свою румяную и золотистую корочку прозванный Золотым петушком.

– Здравствуй, Иван-дурак, давно не виделись, – сдержанно прокукарекал петух.

– Только сегодня снился мне, – возразил Иван.

– Я и говорю. Соскучился, что ли?

– У нас во всём царстве смысл пропал.

– То-то же мне икается. А ведь я говорил, я предупреждал.

– И у меня теперь служебное задание его найти. Только я не знаю, что это. Мне такое отродясь было не нужно.

– К нам в Тёмный лес он никогда не заявлялся, а кабы заявился, мы бы его всё равно не увидели. Знаю только, что он прямо очень ощутимый, почти как я.

– Это как?

– Так, что ты его прямо можешь пережить всем своим нутром – от кончиков пальцев через задницу до мозга костей. А коли не можешь, то это не он.

– Как оглобля?

– Только если ею тебе прямо по роже треснули, а так нет.

– Не понял. Объясни дураку.

– Ну что тебе та оглобля. Ты её увидел и забыл. А вот если тебе ею хребет переломали, это ты навсегда запомнишь. Называется опыт. Экспириенс. – Петух, зажмурившись, сладостно протянул это слово дрожащим голосом.

– Ты давай только объясняй без этих всяких немецких слов. Я дурак и всё равно не пойму.

Петух не обратил на просьбу Ивана никакого внимания и ещё несколько мгновений стоял зажмурившись. А потом вдруг продолжил, глаз так и не открыв.

– Притом переломать тебе что-нибудь можно не только оглоблей, но дубьём, дрекольем, молотилом и ещё тьмой прекрасных вещей, да хоть топором, а опыт будет тот же. Если тебе понравилось, он и станет твоим смыслом, потому что тебе захочется повторить. А если не понравилось, захочется не повторять. Тоже смысл.

– То есть это такая штука, которая вштыривает?

– Точно. – Петух вдруг открыл глаза, причём очень широко. – Это ты верно сказал. По-дурацки, но верно. В самом беспштанном своём детстве ты можешь его пережить, когда и языка человеческого ещё не знаешь, а запомнишь. Потом всю жизнь нужных слов не подберёшь, а будет этот опыт для тебя заветным и святым. Но и не только в детстве, а в любом возрасте. И даже не только наяву, а хотя бы во сне или просто в своём воображении. То есть тебе достаточно представить что-нибудь этакое, и оно станет твоим смыслом. Такая эта штука – конкретная.

– Какая-какая?

– Ну, ты её не то что пощупать можешь – она сама и есть щупанье. До дрожи. И сама дрожь. Это состояние твоё, короче. Мощное и незабываемое. Как ты первый раз мороженое съел или влюбился или обжёгся или украл что-нибудь или морду кому-нибудь набил или тебе набили...

– Понял-понял, ага.

– ...или вдруг понял что-нибудь.

– То есть это что же – я сейчас уже нашёл смысл? Экий я быстрый герой.

– Не знаю, Иван. – Петух прищурился. – Я-то сам животное бессмысленное и никакого смысла никогда не знал. Слышал о нём только. И что я тебе сказал – не единственный его признак. Не всё, что вштыривает, оказывается смыслом. Тут по-разному может быть.

– И какие же ещё признаки?

– Это тебе у других чудищ Тёмного леса надо спрашивать. А мне что-то клюнуть тебя захотелось. Не могу долго на бессмысленных людишек смотреть.

С этими словами петух бросился на Ивана и стал жестоко клевать его во все места.

А самописная грамота тем временем зафиксировала и передала в Центр, что смысл – это какое-то твоё состояние, которое ты можешь пережить или хотя бы вообразить. Как счастье, понимание, самозабвение, боль. А если не можешь, то это и не смысл вовсе. Например, оглобля не смысл. И сам царь, получается, не смысл. Если только этим царём тебя по морде не треснут. Подрывные идеи бродят в этом Тёмном лесу.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради кирпича

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь ради кирпича или чего-то другого такого же. Может, это был не кирпич, а целая бетонная конструкция. Ну пусть кирпич. Вот был Иван, а вот был кирпич. Иван помер, кирпич остался. Потом кирпич упал кому-то на голову и рассыпался. Или он рассыпался ещё до того, как Иван помер. Или вовсе не упал и не рассыпался, а до сих пор лежит. Разницы никакой.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как проживает свою ради саморазвития

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь самосовершенствовался. Когда его спрашивали "чем ты, Иван, занимаешься", он неуклонно отвечал «самосовершенствуюсь» или «саморазвиваюсь». А когда некоторые особо въедливые людишки докапывались, что же именно и куда Иван совершенствует и развивает, то Иван неколебимо отвечал, что себя и вперёд. Тут-то все от него и отставали. Помер Иван и унёс собой в могилу, что же именно он с собой такое делал. Или не унёс, потому что и сам не знал.

Глава III. Бурелом нужды, где Лихо-Злосчастье ругается, что смысл – это необходимость

§ 1. Необходимость

Исклёванный Иван выскочил из чаши да сразу в чашобу попал. Прямо в гости к Лиху-злосчастью. Увидело оно Ивана и давай его обнимать всеми своими культями переломанными, им же несть числа.

– Здравствуй, Иван. Давно тебя жду, уж истомилось всё.

– И тебе не ведомо. Только откуда ты знаешь, что я здесь должен оказаться. Я и сам того не знал.

– А я и не знало. Оттого только больше томилось. Когда же, думало, попадётся мне настоящий, официальный дурак, неужели никогда. Дуракам-то, как ты знаешь, счастье. Так что мне всё какие-то умные попадают, тьфу.

– Да, занесла меня нелёгкая. Всё потому что взвалил на себя службу царскую не по рылу.

– О, это мне понятно. Я и само так сюда попало. Я ведь раньше чёртом было, в аду грешников мучало. Знаешь как? Спрашивало их, почему они тот или другой грех совершили. Ох как их от этого корёжило. И хотели бы они меня искромсать за такие вопросы, да только ничего сделать не могли, кромсать их как раз мне было положено. Но видно мои вопросы не только грешников достали, так что послал меня Князь ада сюда самолично выяснить насчёт причин зла в мире. А тут сам чёрт ногу сломит. Вот я их все и сломало. Сiju теперь тут, случайных путников стерегу.

– А меня, дурака, царь за смыслом послал.

– Ух-ты. Вот горе-то. Почище того, что я обычно устраиваю. Я-то всё по старинке, попростому: сломать чего или там... Ну в основном сломать. Тут же смысл. Если эта штука сломается, всё остальное можно так оставить.

– А какой он – смысл? Как мне его то есть опознать, коли встречу?

– Лиху-злосчастью смысл не нужен, оно и без смысла работает. Так что полный словесный анфас я тебе не нарисую. Но один верный признак знаю.

– Ну?

– Смысл – это что-то такое, без чего ты вроде бы можешь обходиться, но если представить, что этого совсем нет и никогда не будет, то тебе будет невыносимее, чем в аду.

– Как мороженое? Я мороженое очень люблю.

– Во. Очень правильное сравнение. Ты можешь забыть про мороженое даже на довольно долгое время. Но если тебе сказать: всё, мороженого больше нет и никогда не будет, – жизнь твоя станет как жизнь без смысла.

Иван зачесался, показывая тяжкий ход мыслей.

– Мне петух тут сказал, что мороженое не может быть смыслом, потому что смысл – это состояние. Или я в мороженом состоянии и буду смыслом?

Тут Лихо-злосчастье зашевелило своими многочисленными культями и достало откуда из внутренностей сверкающий шарик шоколадного мороженого.

– На-ка, попробуй – домашнее.

– О, я как раз люблю шоколадное, – взвизгнул Иван, тут же схватил шарик и стал его яростно облизывать. Когда же совсем слизал, Лихо-злосчастье спросило его с нескрываемым интересом.

– Ну как, Иван, тебе моё мороженое?
– Вкусно. Из чего ты тут его делаешь?
– Знамо из чего – из говна?
– Из какого говна? – насторожился Иван.
– Знамо из какого – из собственного. Я ж говорю, домашнее. Не хватало ещё, чтоб я чьё-то чужое говно собирало.

Иван замер в сомнениях, не понимая, смеются над ним образно или надо уже два пальца в рот засовывать.

– Но на вкус же оно точно как мороженое.
– Вот! Главное – это вкус. Переживание вкуса – это твоё состояние. А что вызывает этот вкус – дело уже десятое.

– Не хочу я, что ради такого вкуса говно надо было есть.
– Да? А если никакого другого способа не останется? Вот представь, исчезло во всей вселенной всякое мороженое, а чтобы вновь испытать его вкус, надо поесть чёртова говна.

– Это, конечно, меня утешит – что вкус мороженого ещё где-то есть, но говна всё равно есть не буду.

– А больше и не надо. Только если вкус мороженого и правда станет твоим смыслом, то будешь как миленький. Залезешь в самый ад, чтобы достать заветное говно.

Иван окончательно застыл. Всё ему было не то чтобы непонятно, это дело привычное, но как-то странно. Если что-то не выглядит как говно, не пахнет как говно и на вкус не говно, а вовсе даже мороженое, то как оно может быть говном. И что теперь со всем этим делать.

– Это всё оттого, – прочло Лихо-злосчастье мысли Ивана, написанные большими красными буквами на его лбу, – что ты пытаешься смысл как вещественную вещь представить. Но смысл не вещественная вещь. Он идея. Или даже необязательно идея, а что-то гораздо более смутное. Чувство. Вызывать это чувство могут разные вещественные вещи. Или даже оно может само собой приходить, вообще без вещества. Как сон или блажь.

Иван немного отмер, но не окончательно, и стал хотя бы ковыряться в носу. Лихо-злосчастье смотрело на него со смесью раздражения и жалости.

– Теперь иди, утомил ты меня. Тяжело с вами, дураками.
Иван даже встрепенулся.
– И что, даже не будешь меня никак мордовать?
– Так я тебя говно жрать заставило, что ещё надо. Вали давай. Ищи дальше свой смысл.
Лихо-злосчастье обиженно отвернулось, закрывшись всеми своими культиями, а Иван побрёл дальше во тьму Тёмного леса.

Самописная же грамота тем временем зафиксировала и передала в Центр, что смысл – это какое-то твоё состояние, которое ты можешь пережить или хотя бы вообразить, а невозможность которого делает и всю твою жизнь невозможной.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради собирательства

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь коллекционировал утюги. Собрал утюги всех марок и переключился на ножницы. Ножницы ему собирать запретили в виду опасности, тогда он переключился на гербарии. Но гербарии было собирать не пересобирать, так что он переключился на игрушечных солдатиков. Солдатики что-то надоели, потому он решил собирать что-то оригинальное – мгновения своей жизни. Собрал полную коллекцию и помер. А мог бы и не собирать.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как проживает свою жизнь ради бирюлек

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь стремился стать международным мастером спорта по игре в бирюльки. Игра сложная, требующая большого искусства и ума. Учился Иван учиться да так и мастером и не стал, даже отечественным, даже кандидатом. Но это никак не сказалось на его прекрасном самочувствии. Не стал – ну и хрящ с ним. Подумаешь, очень надо. Помер без сожалений.

Глава IV. Просека жизни, где Жар-птица чирикает, что смысл – это жизнь и смерть

§ 1. Быть и/или не быть

Шатаясь через буреломы и усиленно плюясь, Иван оказался в полнейшей тьме и даже хотел выколоть себе глаз, чтобы убедиться в этом своём достижении путём сравнения двух видов зрения – через выколотый глаз и через невыколотый. Никогда ещё Иван-дурак не был в такой мгле. Всё было ему смутно, туманно, непонятно и тускло. Что он ищет? Зачем он вообще сюда пришёл? Кто он такой и почему он такой?

Так и замучился бы Иван этими дурацкими вопросами да и глаз бы себе выколол, вольно либо невольно, кабы не явилось-таки обычное дурацкое счастье – сама Жар-птица во всей своей пламенной красе. Половину Тёмного леса она осветила собой. Иван молчал, будто умный, хотя просто онемел и ослеп от упавшего с неба дива.

– Что тебе нужно, Иванушка-дурачок, в этом лесочке тёмненьком? – пронзительно запросила Жар-птица.

– За смысликом царёк меня послал, – отмер Иван, хотя и не совсем. – Пока не найду, не узнаю.

– Не с того ты начал, Иван, – проголосила Жар-птица. – Потому и плутаешь во мраке. Сейчас я тебе всё расскажу – и ты меня поймёшь.

– Ну, – только и промычал Иван, изумляясь уверенности Жар-птицы.

– Главное в смысле – это что ты за него жизнь свою отдашь, так или этак.

– Вот-те раз, – подумал вслух Иван. – Такого уговора не было. – Но это было неофициально вслух, а уже официально вслух он добавил. – Лучше, конечно, этак.

– Этак – это когда ты добровольно и безвременно умираешь, только чтобы смысл осуществился. А так – это когда ты всю жизнь для этого живёшь, сколько бы тебе ни было отмерено, хоть вечность. В обоих случаях смысл по цене равен твоей жизни.

Иван уважительно помолчал какое-то время.

– Красивая ты очень, Жар-птица, только ничего я не понял. Ты же знаешь, что я дурак.

– Без смысла, Иван, ты жить вообще не захочешь. Хотя и умирать будет незачем. И будешь страдательно колыхаться где-то между жизнью и смертью, как сейчас. А когда смысл есть, то можно хоть жить, хоть умереть – всё будет для тебя весело и привлекательно.

Иван тщательно потёр глаз, который недавно хотел выколоть.

– Мы, дураки, примеры любим.

– Взять хоть ту же оглоблю. Если она твой смысл, то ты будешь всю жизнь жить, лишь бы оглобля. А если вдруг что, то умрёшь за оглоблю.

– Оглобля, – с пониманием протянул Иван. – Значит, обманули меня Петух золотой и Лихо-злосчастье, что не оглобля.

– Нет, не обманули, зачем же. Я это просто для примера, чтобы показать тебе, что как раз не оглобля.

Иван уставился на Жар-птицу осуждающе мутным взглядом.

– Ну как ты будешь жить за оглоблю-то? – попыталась снять возникшее напряжение Жар-птица.

Ивану было не по чину задумываться, он это твёрдо помнил, поэтому не задумался, но мгновенно ответил.

– А за что же?

– Тут может быть по-разному, потому что смыслы бывают разные. Но все они отвечают тому, что тебе о них тут рассказали. Они такие, что ты их можешь пережить, что их полная невозможность делает твою жизнь невыносимой и что ради них ты готов жить сколь угодно долгую жизнь и умереть в любой миг. Вот если не готов, то это не смысл. Мы, жар-птицы, на своём жар-птичьем языке называем это экзистенциальностью.

Последнее слово Жар-птица то ли прочирикала, то ли прокудахтала, то ли прощebetала, то ли проклекотала. Под этот птичий гомоник трудно было услышать скрип пера, которым самописная грамота всё конспектировала и протоколировала.

– По-разному – это хорошо. А за что же? Ты конкретно давай. – Иван запомнил слово Золотого петуха и употреблял его теперь как краткий вариант слова “официальный”. То есть он и самого себя мог назвать не каким-нибудь дураком, а конкретным.

– Ну вот что для тебя важно в жизни, Иван?

– Ну вот не знаю. Задай вопрос как-нибудь по-другому.

Жар-птица прищурилась и недобро щёлкнула клювом.

– Если так: что для тебя в жизни главное?

– Да это то же самое. Издеваешься ты надо мной, дураком.

Жар Жар-птицы сначала раскалился до бела, а потом как будто на мгновение сделался синим. Но быстро снова стал переливаться багровым и алым. “Синяя Жар-птица, надо же”, – не успел подумать Иван.

– Ладно, как насчёт денег? Любишь деньги?

– Какой же дурак не любит денег. Таких дураков нет.

– Вот. Если ты готов всю жизнь жить ради денег и если готов умереть ради денег, то деньги – это твой смысл.

– Без денег и обойтись нельзя.

– Ну это смотря кому и смотря где.

– И в кармане их приятно переживать рукой. Тёплые. Сейчас как представляю, сразу и на душе тепло становится...

Иван закатил глаза, шерудя рукой в кармане и представляя, будто там монетки и бумажки.

– Ну довольно, Иван. Как я и сказала, ты меня понял.

– Слушай, я вот что сообразил. А вы с Золотым петухом часом не родственники? Может, он муж твой бывший? Или хотя бы брат? Двоюродный.

Ничего не ответила Жар-птица. Только клювом опять щёлкнула зловеще и исчезла. Погрузился Тёмный лес обратно в свою тьму.

А в Центр отправилась заветная каблограмма: смыслы бывают разными, они твои состояния, которые ты можешь пережить или хотя бы вообразить, их невозможность делает твою жизнь невыносимой, им ты готов посвятить всю свою жизнь и ради них ты готов умереть. Пришлите, пожалуйста, чернил.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради почётной грамоты

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел получить грамоту лучшего продавца месяца в деревенском мегамолле. Однако же много было у него соперников, притом не дураков. Потому всё никак ему не удавалось получить заветное. Но тогда Иван вывернулся наизнанку, расшибся в лепёшку, дошёл до крови из носу и совсем сгорел на работе. То есть буквально умер от усердия. Но грамотку получил. Висит теперь на могилке.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради учёной степени

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел получить учёную степень кандидата наук. Всё равно каких, лишь бы было. Долго его мучали в разных инстанциях и не давали оную степень из-за беспросветной ивановой дурачности. Но в конце концов умилосердились и дали. Получил Иван диплом на этот счёт и сильно радовался в течение неопределённо малого промежутка времени. Промежуток просвистел, и понял вдруг Иван, что больше нет у него ради чего дальше жить. После этого то ли сразу помер, то ли ещё пожил на всякий случай и всё равно помер. Но уже кандидатом наук, а не просто так.

Глава V. Роща мишеней, где кентавры Полкан и Китоврас гогочут, что смысл – это конечная цель

§ 1. Цель

– Не будем делать вид, будто ты каким-то чудесно-случайным образом на нас наткнулся, – сказал Ивану-дураку кентавр Полкан.

– И не будем делать вид, будто мы каким-то случайно-чудесным образом перед тобой оказались, – сказал ему же кентавр Китоврас, брат Полкана.

– Приступим прямо к делу.

– Прямо к сути приступим.

– Всё равно ведь ты один из нас, Сумрачный лес для тебя дом родной.

– Да, ты такое же чудище Дремучего леса, как и мы.

– Поэтому лучше прямо скажи, зачем ты здесь.

– Говори как есть, ради чего ты тут бродишь-шатаешься.

Можно было бы сказать, что Иван опешил, но он всегда был в таком состоянии, тем более в Тёмном лесу, поэтому в общем-то ничего не произошло.

– Я? Один из вас?

– Да. Но не будем об этом. Сначала дело.

– Да, не время сейчас. Дело прежде всего.

Иван немного помолчал, но быстро пришёл к заключению, что их двое, потому принудить их к разъяснениям не выйдет.

– Я тут волею посланного мя царя. Царь смысла взыскует – для себя и для народа своего.

– А зачем ты исполняешь волю царя?

– Да, что тебе царь и воля его?

Иван даже впал в благородное негодование.

– Сам не знаю. Вы мне скажите.

– Вот это и доказывает, что ты не человек, а чудище из Сумрачного леса.

– Только чудища из Дремучего леса не знают, ради чего они всё делают, а люди так не могут.

– А почему вы Тёмный лес то Сумрачным называете, то Дремучим.

– Так, значит, с тем, что ты тоже чудище, вопросов нет?

– Значит, согласен, что ты тоже чудище лесное?

– А не побоку ли мне, кто я и тем более кем вы меня считаете. Я дурак, и этим всё сказано.

Кентавры пошушукались друг с дружкой о чём-то и снова обратились к Ивану.

– Мы тут посоветались и решили тебе сказать, что смысл – это конечная цель.

– То, ради чего ты бы всё делал, кабы человеком был.

– Вот, например, для тебя сейчас конечной целью является исполнение воли царя.

– Ради исполнения воли царя ты по нашему лесу ходишь.

– Что-то вы меня, дурака, совсем запутали. Коли у меня таки есть конечная цель, то я, значит, человек.

Кентавры смутились и опять стали шушукаться. Нашушукавшись вдоволь, они снова к Ивану обратились.

– Ты частично человек. Потому что, будучи целым человеком, ты задался бы вопросом, зачем тебе исполнять волю царя.

– Ты только отчасти чудище. Ведь иначе тебе было бы на волю царя вообще наплевать.
– То есть вы хотите сказать, что воля царя не конечная цель? Что волю царя ещё за какой-то надобностью исполняют, а без того люди не люди? За такое вас, чудищ-кентавров, по загревкам вашим не погладили бы.

– Потому мы и прячемся в Сумрачном лесу.

– Оттого мы тут и сидим, в Дремучем лесу, носа не высовываем.

– Так а что же может быть, по-вашему, выше воли царя?

– А тут кому что – кому деньги, кому слава, кому чтоб не били.

– Это уж каждому своё – кому за державу обидно, кому врага охота одолеть, кому просто любопытно, что из всего этого выйдет.

– А кому воля царя и есть наивысшее и наиглавнейшее во всей его жизни.

– Да, иным и воля царя – смысл всей их жизни и деятельности.

– Экие вы двусмысленные гибриды, – загрустил Иван. – То одно говорите, то другое.

– Мы говорим одно: смысл есть то, ради чего всё остальное.

– А если не всё, талдычим мы, то это не смысл, а так – временная и промежуточная цель.

– Если тебя спросят, зачем ты живёшь, и ты ответишь, что ради воли царя, это твой смысл.

– А когда тебя спросят, ради чего ты всё делаешь в своей жизни, и ты ответишь, что ради воли царя, то это твой смысл.

Тут Иван решил задать свой коронный дурацкий вопрос.

– Вот вы всё говорите цель да цель. А что это такое – цель?

Но кентавры не смутились, как обычно бывало с подобными вопросами.

– Цель – это желаемое последствие твоего действия.

– Это плод, или итог, твоего поступка или поступков, который ты себе представляешь и хочешь.

– Высшая цель – это желаемое последствие всех твоих действий вместе взятых.

– Конечная цель – это плод, или итог, всей твоей жизни.

– Ладушки, – оценил Иван. – А что же, эта конечная цель всей моей жизнедеятельности наступит только в самом конце, когда уже помирать пора? Или даже после того?

– Да нет, она в любой миг может наступить, просто ты ей всю свою жизнь подчиняешь.

– Да нет, ты её можешь даже много раз достигать и терять, просто как достиг, то и помереть не жаль.

Тут Иван впервые достал из-за пазухи грамоту самописную.

– Ага, надо теперь всё это с предыдущими показаниями сопоставить. Моё переживаемое состояние, без которого жизнь не мила, ради которого можно умереть и плюс вот что вы сейчас мне открыли. Что скажете?

Но кентавра Полкана и его брата кентавра Китовраса уже будто и не было никогда.

А грамота самописная всё равно не работала. Потому что чернил ей так и не прислали.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради космоса

Жил-был Иван и всю жизнь думал о звёздах и планетах. Как они там сердешные. Вот бы с ними было всё хорошо. Чтоб все по своим местам, целые и плавно двигались. С утра до вечера Иван напряжённо заботился о сообразности мироздания. И помер в этой заботе. Осиротел космос. Кто теперь будет им заниматься.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь себе поперёк

Жил-был Иван и чего бы ему ни хотелось, всё делал наоборот. Захотел спать – бодрствует. Захотел бодрствовать – пошёл спать. Захотел есть – пошёл плевать. Захотел плевать – пошёл есть. Захотел идти – сел. Захотел сесть – пошёл. А когда осознал, что он хочет жить, то сразу помер. Решительный и последовательный был человек.

Глава VI. Лиственная лествица, где Идолище Поганое поучает, что смысл – это главное

§ 1. Иерархия

– Здравствуйте, Иван Васильевич, – сказал как из-под земли явившийся человек в деловом костюме с портфелем в руках. – Меня зовут Сидор Петрович, я адвокат.

– На кой мне аблакат, – скривился Иван, – я, чай, не под судом.

– Меня сам царь прислал. Говорит, нехорошо дураку в Тёмном лесу без адвоката. Мало ли что может случиться. Тут адвокат нужен. И ещё я чернила принёс. Для грамоты самописной. У вас чернила кончились.

– Ну и что ты за аблакат-дровокат такой? В каком звании?

– В каком звании? В адвокатском, в каком же ещё.

Тут Иван-дурак так скривился, что его бы мать родная не узнала.

– Это мне, что же, в Тёмный лес простого аблаката прислали?! Срам-то какой. Вот что, воротись-ка ты, мил дружок, назад, и скажи царю, чтоб прислал мне... генерального дровоката... федерального уровня.

– Вы имеете в виду из федеральной палаты?

– Точно. Из царских палат федерального уровня. Давай – одна нога здесь, другая там. Чернила оставь.

Загрустил простой адвокат и потрусил назад к царю, а Иван довольный обернулся – глядь, прямо перед ним возвышается и нависает не кто иное, как Идолище Поганое. Даже грамота самописная не смогла бы его новыми чернилами описать – такое оно было расписное и сказочное.

– Вижу, Иван, считаешь ты чины пуще всего остального. Любо.

– А то, а то, – не растерялся Иван от такой красоты. – Нам, дуракам, по-другому нельзя. Без чинов мы вообще ничего понять не можем.

– Вот-вот. Это ты молодец. Дурак-дурак, а умный.

– Не надо этого, Идолище.

– Поганое, – поправило Идолище Поганое. – Прошу именовать меня полным титулом.

– Не надо этого, Идолище Поганое. Я дурак, и точка. А то этак и официального статуса лишиться можно.

– Уважаю. Так и зачем ты явился в Тёмный лес, Иван-дурак? Я, конечно, и так знаю, спрашиваю только для проформы. Но проформа, может, поважнее всего прочего будет.

– Царь меня за смыслом послал.

– А зачем же ты послушался царя?

Иван прищурился.

– Меня тут кое-кто уже спрашивал про это. Проверка, что ли, какая? Нам, дуракам, не положено дальше воли царя спрашивать. Даже во сне.

– А зачем же вам такое не положено?

Этот вопрос поверг Ивана в полное изумление. Не сходилось у него, как можно “положено” и “зачем” вместе держать. Однако, будучи дураком закалённым и многократно проверенным, Иван самопроизвольно ответил.

– Не положено нам знать, зачем что не положено.

Идолище Поганое даже осклабилось от удовлетворения происходящим.

– Силён. Не зря о тебе легенды ходят, Иван. Ну так вот, со смыслом примерно то же, только ещё лучше. Смысл – это что-то такое, ради чего всё остальное, а не то, что само ради чего-то ещё.

– Не понял.

– Это само собой. Это надо просто запомнить. Смысл – это когда вопрос “зачем” больше не задаётся. Потому что ты пришёл к пределу, за который уже не надо идти. Вот, например, деньги.

– Да, вот это мне внятный пример, – оживился Иван.

– Деньги – это не смысл.

Иван тут же разживился обратно и даже слегка обиделся.

– Это почему же так?

– Потому что деньги – это промежуточная цель. Деньги всегда средство, они всегда для чего-то. Чтоб понятнее было: с деньгами человек довольно высоко может подняться, но никак не до царя. А царю деньги вообще без надобности.

Иван сел прямо на утопанную землю перед Идолищем.

– Да-да, Иван. А если царь, к примеру, коммунизм в стране введёт, то за деньги и расстрелять могут.

– А что же выше денег?

– Власть. Деньги есть средство власти.

Иван сидел на сырой земле в полном бессилии и недоумении.

– Но ты так не расстраивайся, Иван, – смилосердилось Идолище. – Бывают такие извращения, для которых деньги – вполне себе предел. Они их просто копят и наслаждаются самим их наличием, ни на что не расходуя. Спроси их, зачем им деньги – они тебя не поймут, так же как ты меня сейчас. Но это именно извращение. Для обычных людей предел выше. Уж я, Идолище Поганое, это хорошо знаю.

– Но как же понять, когда ещё можно задавать вопросы про зачем, а когда уже нельзя?

– Вообще этот вопрос всегда можно задавать. Только в какой-то миг он покажется тебе нелепым. Зачем тебе деньги – вполне обычный вопрос. А вот зачем тебе власть – уже не вполне. Его можно задать, но для властолюбца он странен. Власть вполне может быть ценна сама по себе, не ради чего-то другого. Хотя для других людей власть тоже лишь средство – для славы или для удовольствия. Тут сложно. Смыслы могут быть средством друг для друга. Но при этом они могут быть и крайними пределами. А вот несмыслы крайними пределами не могут быть. Понимаешь, Иван? Иван?

Но Иван уже храпел в усталом забытии. Не выдержала голова дурака такого напряжения. Только самописная грамота тарахтела на свежих чернилах. Смысл есть твоё состояние, без возможности которого и жизнь не мила, за которое ты готов отдать всю свою жизнь, которое есть высшая цель всех твоих действий и выше которого для тебя ничего нет и быть не может. Словесный фоторобот смысла потихоньку проявлялся.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради еды и сна

Жил-был Иван-дурак. Ел и спал, спал и ел. И не то чтобы он сильно смаковал свои еду и сон либо различал, что именно он ест и где именно он спит. Так прошли годы. Однажды Иван случайно переел и помер во сне. Больше, стало быть, не ест и не спит.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради автомобиля

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь копил на самую быструю и самую красивую в мире машину. Наконец накопил и купил. Проехал на ней один раз от автосалона до гаража – тёмной ночью, чтоб никто не догадался. А потом всё – больше она из гаража не выезжала. Каждый день с утра до ночи Иван ухаживал за ней – мыл, протирал, красил и перекрашивал, перебирал движок и всё такое. Так и помер. А машину из гаража забрали какие-то другие дураки и в тот же день её разбили до полной невосстановимости.

Глава VII. Заросли мерил, где Баба Яга шамкает, что смысл – это мерило всего

§ 1. Эталон мер и весов

- Избушка-избушка, повернись к Тёмному лесу задом, а ко мне задом.
Избушка на курьих ножках мелко задрожала.
- Неужто Иван-дурак опять к нам заявился, – высунулась из окна Баба-Яга. – Отставить.
Избушка перестала трястись.
- Даже не буду спрашивать, что ты тут делаешь. Всё равно какую-нибудь дурь ответишь.
– Смысла взыскую, Баба-Яга. По официальному царёвому поручению.
– По неофициальному, – рядом с Иваном вдруг оказался и затарахтел весьма представительный мужчина в деловом костюме с отливом и в парчовом галстуке с отворотами. – Официально царь никаких поручений никому на давал, не даёт и давать не собирается. Если что, это всё бояре, которые продались нашим западным партнёрам. Царь их потом простит, но тоже неофициально.
- А ты кто такой? – спросили дуэтом Иван-дурак и Баба-Яга.
– Извольте, вот моя визитка. Павлин Матвеевич Брыкля, собственной персоной. Федеральный адвокат.
Баба-яга плюнула в сторону адвоката (может, и попала) и повернулась к Ивану.
– Ты что ж это, Иван, без адвокатов теперь не ходишь?
– Конечно, я ведь официальное лицо. Мне без адвоката теперь ни шагу нельзя – ни назад, ни вперёд, ни направо, ни тем более налево.
– Давайте не будем тянуть моё драгоценное время, – встрял опять Павлин Матвеевич. – Много денег в час плюс гонорар успеха. Давайте перейдём прямо к сути смысла, или, что то же самое, к смыслу сути.
Баба-Яга начала усиленно делать вид, что жуёт что-то беззубым ртом.
– А какой смысл мне вам отвечать?
– Не знаем, – ответил Иван. – Мы дураки.
– Говорите за себя, молодой человек, – озлобился Брыкля. – Федеральные адвокаты дураками не бывают. У них на воротах палаты даже написано: “Главное – не быть дураком”.
Федеральный адвокат так раздувал щёки, что Баба-Яга даже развеселилась и подобрела.
– Хорошо, поставлю вопрос по-другому. Какой мне смысл вас обоих в печку не засунуть?
– Это незаконно! За это вы ответите по всей строгости революционных царских законов, – взвизгнул Брыкля.
– И ответу. Отчего же не ответить. Ну так как?
– Да засовывай, – психанул Иван. – Я только-только обзавёлся федеральным адвокатом, а уже хоть сам в печку лезь.
– Вы не имеете права, Иван, – весомо заметил адвокат. – Это посягательство на официальное лицо.
– Сразу видно, Иван, что адвокат у тебя федеральной. Одно только видит и этого одного только слушается. Вот так и со смыслом надо.
– Это как же я одно только могу видеть и слышать, когда вокруг столько всего, – сделал долгожданное официальное дурацкое заявление Иван.

– Это как раз потому, что ты дурак. Или наоборот, ты дурак как раз потому, что взгляд твой мечется и слушаешься ты чего попало. А недурок ко всему подходит с одной меркой, и она у него такая, что сама подходит ко всему.

– Не понял, объясни дураку.

– Ну вот допустим, твой смысл – испечь пирог и съесть его. Смотришь кругом и сразу видишь, что подходит для пирога, а что нет. И тут же ты можешь оценить, что хорошо, что плохо. То есть смысл оказывается источником всех твоих оценок.

– О, а я-то думал, что только царь решает, что хорошо, а что плохо, или советники его тайные.

– Царь может. Только как? Царю тоже мерка нужна. Вот, ты, Иван-дурак, хороший человек али плохой? Как узнать?

– Дурак я. Ничего другого не знаю и другим не советую.

– Тут всё зависит, с какого края смотреть. Если взять краем пирог, то плохой ты человек, Иван. Потому что пользы от тебя для испечения пирога никакой. Даже если тебя целиком в печку засунуть. Зато вред может быть, потому что ты всё тесто ещё сырым сожрёшь. Коли с края денег на тебя посмотреть, то тоже получаешься плохой. Потому что от тебя одни расходы и никакого дохода. А вот коли с края государственной безопасности, то не такой уж ты плохой. Дураки для государственной безопасности нужны, на них она и держится.

– Я дурак, и точка. Нет у меня никаких краёв.

– А с края дурости если посмотреть, ты вообще идеал, Иванушка. И так же можно на всё посмотреть и всё оценить. Можно оценить государственную безопасность с точки зрения твоих денег и твои деньги с точки государственной безопасности. Интереснейшие штуки, знаешь ли, могут получиться. Если же не получается так оценивать, то это не смысл. Вот с края оглобли сколько ни смотри, ничего не высмотришь. Потому что для оглобли всё равно, есть что-то вокруг неё или нет.

– Это всё полная чушь, – наконец вмешался федеральный адвокат. – Оценивать можно только по уголовному кодексу. Если вы оцениваете не по уголовному кодексу, вы тем самым нарушаете уголовный кодекс.

– А в уголовном кодексе написано, что всё надо оценивать по уголовному кодексу?

– Ээээээ... Ваш вопрос провокационный и оскорбительный, я не буду на него отвечать.

– Не написано. Поэтому ты либо сам, гнида, нарушаешь уголовный кодекс, добавляя к нему то, чего там нет, либо ты просто пытаешься подсадить Ивана на его почётном месте полного дурака, коварно и неумело прикидываясь недурком.

Иван посмотрел на Павлина Матвеевича внимательно и вдруг прозрел на какое-то мгновение смысл. На этом основании он как даст Павлину Матвеевичу самописной грамотой по мордасам. И так шестнадцать-двадцать раз. С тяжкими телесно-лицевыми последствиями и следами.

Но самописная грамота, будучи так использованной, осознала, что это не соответствует её смыслу и передала в Центр жалобу на злоупотребление. К жалобе же приложила, что смысл неотделим от смыслащего, что смыслащий остро нуждается в его принципиальной осуществимости, что смысл требует всей жизни смыслащего, хоть сразу, хоть постепенно, что смысл есть цель всей этой жизни и каждой её части в виде даже одного действия, что смысл в этой жизни самое главное, главнее некуда, и что наконец смысл есть первомерило всех оценок в отношении всего того, что тебя окружает и с тобой происходит.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради точки

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь стремился к точке. Чтоб была точка, и всё тут. Графическая точка? Да не. Материальная? Не. Математическая! Вот те раз. В общем так и осталось непонятным, дошёл Иван до точки или нет.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради абракадабры

Жил-был Иван-дурак не пойми как и творил не пойми что. Потом не пойми как помер. Теперь не знаем, что и думать.

Глава VIII. Лесостепь-лесотундра-тундростепь, где Змей Горыныч шипит, что смысл – это отдельное измерение

§ 1. Аспекты и грани

– Как бы здравствуй.

– Как бы Иван.

– Как бы дурак.

На одной голове Змея-Горыныча был шутовской колпак, на другой стеклянная гирлянда, а на третьей венец из перьев, как у индейцев. Передние лапы же дракона мастерили какие-то картонные фигурки.

– Я не как бы дурак, а самый настоящий дурак, – надулся Иван.

– И ты, как бы адвокат.

– Из как бы федеральной как бы палаты.

– Как бы здравствуй.

Павлин Матвеевич вообще озлобился.

– Я вас как бы засужу в как бы суде, и вы у меня как бы сядете в как бы тюрьму на как бы пожизненный как бы срок за такое как бы уничижение как бы адвокатуры.

– Как бы наш как бы человек, – удовлетворённо сглотнула одна из голов.

– Ну ты как бы не сердчай, как бы адвокатушко.

– У нас как бы как бы.

Павлин Матвеевич сразу подобрел.

– Ну как бы ладно. Вы только как бы не переходите как бы границы.

– Мы попытаемся постараться.

– Мы попробуем попытаться.

– Мы постараемся попробовать.

Дрочок даже засопел от удовлетворения. А вот Иван не был доволен и смотрел на всё это, как солдат на вошь. Поэтому все три головы Змея в элегантной синхронности обратились к нему.

– Что ты тут ищешь, Иван?

– А?

– А?

– Я ищу, что я ищу, – горделиво заявил официальный царский дурак.

Передние лапы Змея-Горыныча бросили свои картонные фигурки и громко зааплодировали.

– Так ты, стало быть, духовный искатель.

– Духовный поисковик.

– Духовный разведчик.

Федеральный адвокат немедленно замахал руками, изображая протест, а Иван как отрезал.

– Я дурак. И больше никто.

Головы Змея склонились каждая на свой бок.

– Не бывает такого, Иван.

– Мы все – кто-то ещё.

– Каждый из нас – сразу много кто.

Иван стоял на своём и не мог иначе.

– Я дурак и не понимаю, как это.

– Ну вот, например, ты, помимо того что дурак, ещё и царский слуга. Ведь не будешь отрицать?

– А ещё ты мужик, у тебя небось и жена есть.

– А ещё ты доверитель вот этого адвоката.

Адвокат ажно поперхнулся.

– Федеральный адвокат. Иван мой клиент. А я его патрон в этом лесу. Оказываю ему юридические услуги в виде интеллектуального покровительства.

– Или так, – хором подтвердили все три головы.

Иван загрустил.

– Коли меня не один, то какой же из меня главный?

– Вот это как раз и определяется тем, что ты ищешь, – изрекла одна из голов, центральная.

– Это, что же, если я буду искать одно, то из меня вперёд выйдет кто-то один, а если другое, кто-то другой?

– Так точно, Иван, – промолвила левая голова.

– Именно, – проворчала правая.

– И даже более того, – вновь заговорила центральная, – мир кругом тебя будет меняться в зависимости от того, что ты ищешь.

Иван даже сдал немного назад, озираясь. А центральная продолжала.

– Если ты ещё не знаешь, что ты ищешь, а ищешь, чего искать, то мир вокруг тебя будет Тёмный лес, где мы и находимся.

– Если же ты знаешь, что ищешь, потому что у тебя есть свой смысл, то мир вокруг тебя будет отвечать этому смыслу и выглядеть сообразно, – вступила правая.

– А если ты ничего не ищешь, – встрепенулась левая, – то и не будет вокруг тебя никакого мира. И тебя самого практически не будет.

– Потому что тот или другой смысл, – заключила центральная, – открывает и отражает определённое измерение бытия и определённую грань личности.

– Дайте пример, – топнул ногой Иван.

– Хочешь ты, к примеру, испечь пирог, – облизнулась центральная.

– И весь мир для тебя сразу превращается в огромную печку, – облизнулась левая.

– А сам ты уже не столько Иван-дурак, сколько Иван-пирожник, – облизнулась правая.

Говоря это, Змей-Горыныч стал как бы ненароком как бы приближаться к Ивану и нависать над ним, а головы как бы его окружили. Иван оглянулся в поисках услуг своего интеллектуального покровителя, но тот уже куда-то делся и аккуратно выглядывал из-за самого толстого дерева.

– Если же идея твоя не открывает тебе нового тебя и новый мир вокруг, то это не смысл, а дрянь какая-то, – зазвенели все три головы зловещим хором.

И как раз когда они как дали тройной огневой залп по Ивану, он в страхе споткнулся о корягу и упал. После чего, не отрывая головы от почвы, пополз на все четыре стороны, подальше от обжигающего душу огня.

Самописная же грамота тем временем продолжала спокойно работать и передавать в Центр важные сведения. Смысл есть твоё состояние, невозможность которого нестерпима, за которое ты готов отдать или потратить всю свою жизнь, к которому ты стремишься каждым своим действием и всеми действиями вместе взятыми, важнее которого для тебя ничего нет, по которому ты оцениваешь всё остальное и которое связано с некоторым особенным аспектом всего бытия и тебя самого.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради всего

Жил-был Иван-дурак, брался за всё подряд и делал как угодно. Ничего не чурался и не предпочитал. Ел и пил тоже что попало, так что прожил недолго.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради невообразимого

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь томился по чему-то такому, что и представить себе невозможно. Ему намекали на разные таинственные материи, но он всё это отвергал, потому что каждую из них можно было как-нибудь описать, хотя бы отрицательно. А тут должно быть нечто совершенно неопишваемое и ни на что не похожее. Так и не нашёл. Или нашёл, но не узнал.

Глава IX. Порубежная опушка, где Дед Пихто наставляет, что СМЫСЛ – ЭТО ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

§ 1. Всемирство

Обгорелый Иван решительно выполз из кустов. Тут его уже поджидал федеральный адвокат собственной персоной.

– Как же тебе удалось, Павлин Матвеевич, деться неизвестно куда и одновременно оказаться за самым толстым деревом?

– Что вы такое говорите, Иван. Это же незаконно. Покинуть клиента в самый разгар оказания юридических услуг, при этом деться неизвестно куда, при этом спрятаться за самым толстым деревом. Не-за-кон-но. Поэтому ничего такого я сделать в принципе не мог.

– Ловок, что и говорить.

– То-то. Учитесь, пока царь платит мне за вас гонорар.

– Мне учиться бесполезно и даже вредно. Я дурак.

Этим заявлением Иван невольно сгенерировал неловкую паузу, в ходе которой путники обратили внимание, что находятся на опушке близ поляны, на которой расположилась диковинная избушка-трансформер, вся состоящая из дверей. Окна, крыша, стены, крыльцо – всё это были двери. Через них входил и выходил глубочайший во всех смыслах старик, чьё лицо было настолько испещрено морщинами, что кроме них ничего нельзя было различить. Нос, глаза, уши, губы – всё это были морщины. Причём их причудливый узор постоянно менялся, будто волны в океане.

Старик заметил странников и молча спросил, что они тут забыли и вообще они кто.

– Смысл ищем, – бодро и звучно отвечал Иван.

– Мы, стало быть, смыслоискатели, – дипломатично заметил Павлин Матвеевич, не желая выдавать Ивана и свою личность незнакомому незнакомцу.

– Для кого ты ищешь смысл – для себя али ещё для кого? – как всегда основательно подошёл к делу дед. Этот вопрос он задал вслух.

– Я дурак, дедушка. Мне смысл без надобности. Меня царь послал.

– А царю смысл нужен токмо для себя или ещё для кого? – не прекращал въедливый дед.

– Я не спрашивал. Дураку понятно, что царь не о себе думает, а обо всех.

– Вона как. А твой царь над кем царь?

– Знамо над кем. Над всею Россией.

– Это ладно. Но у России границы где?

– Кто из нас дурак? У России границы нигде. Нету их. Границ у России.

– Надо же. А кто в России живёт?

– Да кто только в ней ни живёт. Голядь, чудь белоглазая, чудь заволочская, готы, поморы, татары, цыгане, евреи, армяне, рахманы, челдоны, чучуны, гаргары, сиртя, онкилоны, псоглавцы...

– Индейцы живут? Пигмеи, папуасы, готтентоты? Орки, гоблины, эльфы, хоббиты, гномы, тролли? Рефаимы, циклопы?

– Позвольте, – экстренно вмешался бдящий Павлин Матвеевич. – К чему все эти вопросы? Не отвечайте, Иван. Вдруг это господин, чьего имени мы даже не знаем, пытается извлечь из вас разведывательную информацию о вашей базовой стране. Это будет нарушением всех законов.

– Я Дед Пихто, меня в этом лесу все знают. И я не для саморазвлечения спрашиваю, – прищурился Дед. – А токмо ради нужды ивановой.

– Нужда Иванова? – не понял адвокат. – Какая такая Нужда Иванова? Надежду Иванову знаю, она у нас секретарь федеральной палаты. Называя же её Нуждой вместо Надежды, вы покушаетесь на самую суть всей адвокатуры. За это мы можем устроить вам такую обструкцию, что...

– Спокойно, – рискнул прервать Павлина Матвеевича Иван, – тут я дурак, а не ты.

– Спокойно?! Это вы мне указываете быть спокойным?! Да за такое я вас всех сгною! По судам затаскаю до полного истощения!!!

– А ведь Иван может написать докладную царю в связи с таким вашим поведением, – объективно заметил Дед Пихто. – Так что до суда дело может и не дойти. Вас сюда вообще зачем прислали.

Павлин Матвеевич вдруг замолчал, покраснел, потом побледнел, потом пошёл пятнами.

– Игак, Иван, – не моргая, продолжил Дед Пихто, – для кого ты смысл ищешь – для псоглавцев али для чуди белоглазой?

– Не знаю. Царь мне про это ничего не говорил. Неужто у них разные смыслы.

– Могут быть и разные. Поди скажи чучуну, что у него такой же смысл, как у чуди, или наоборот. Он тебя зарежет.

– Кто – чучун или чудь?

– Тебе будет уже всё равно.

Иван замер во внезапном испуге.

– Вот беда-то. Что же мне теперь делать.

Дед Пихто сел на дверь-крыльцо и подпёр голову руками.

– Эх, вот бы узнать, кому царь смысл приискивает, тогда бы я тебе помог. А так не могу.

– Тут и узнавать нечего, – снова подал голос Павлин Матвеевич. – Царь у нас демократический. Можно даже сказать, самый демократический царь всех времён. Так что все благодеяния он оказывает не иначе как всем.

– Уверен? – испытующе зашевелил морщинами Дед Пихто. – А то ведь у многих его подданных даже физиология разная. Что одним хорошо, другим окончательная смерть, и наоборот.

– Не знаю как насчёт уверен, но не сомневаюсь. Наш царь-батюшка равноудалён от всех физиологий.

– Ну что же, – заулыбался всеми морщинами Дед Пихто, – значит, и от аблакатов бывает польза. Прошли вы, получается, испытание.

– Какое испытание? – удивился Иван.

Адвокат возгордился собой до полного онемения.

– А такого, что ты и правда смысл ищешь. Потому что настоящий смысл – это такая штука, которая для всех и для любого, она может быть усвоена любым разумным существом независимо от его физиологических особенностей али принадлежности к тому или иному разряду. То есть, конечно, каждый может взять свой смысл, отличный от другого, но может и тот же взять. Например, армянин может взять смысл еврея, а еврей может взять смысл армянина.

– Это какая-то невероятная, фантастическая всеядность, – снизошёл из сфер гордости Павлин Матвеевич.

– Фух, – перекрестился Иван. – Это же хорошо, что мы прошли испытание? Значит, можем идти дальше?

– Конечно, хорошо, – подмигнул одной из морщин Дед Пихто. – Потому что никуда вы отсюда не пойдёте. Я вас в своей дверной избушке закрою навеки и буду там сушить. Будут у меня сушёный дурак и сушёный аблакат.

– Федеральный адвокат, – заметил федеральный адвокат.

Иван и Павлин Матвеевич хотели было бежать, да переливы морщинистого узора ввели их в оцепенение. И они, словно ходячие покойники, потянулись к избушке-трансформеру.

Но тут раздался жуткий грохот. Вся чаща осветилась багровым огнём, исходящим от громадного идеального шара, движущегося сквозь неё и как бы над ней. Шар этот мгновенно раздавил избушку и поглотил Деда Пихто, будто его и не было. Калики же наши переходящие перестали идти и начали стоять как вкопанные.

Одна только грамота самописная как всегда не подвела. Смысл – это твоё состояние, которое не может быть для тебя невозможным, которое стоит твоей жизни, ради которого ты живёшь, действуешь и умираешь, выше которого для тебя ничего нет, которое для тебя есть мерило всего, которое открывает для тебя целый мир внутри и вне тебя и которое заведомо годится для тебя, кем бы ты ни был, то есть для всех бессмысленных существ.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь, чтобы быть хорошим мальчиком

Жил-был Иван-дурак и больше всего на свете стремился быть милым ребёнком, послушным сыном и примерным учеником. Получалось у него не очень, но все ценили его старания. Потом Иван повзрослел, но продолжил ту же миссию вплоть до самых седин и до самой гробовой доски. Оттого и прозвали его дураком.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради своего мужского начала

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь старался быть настоящим мужчиной – как на обложке. Но однажды его поймали залётные инопланетяне и сделали ему операцию по смене пола. Причём сменили не на женский, а на какой-то третий – никому на Земле неведомый. Иван консультировался у разных специалистов, но так и не понял, ради какого начала ему теперь жить. Обозлившись, решил стать патриотом своей планеты и своего биологического вида. Тогда инопланетяне его опять поймали и сделали одним из них. А у них ни полов, ни планеты своей. Да и вид какой-то размытый. Закончил свою жизнь Иван, как часто бывает, в полном недоумении.

Глава X. Открытая всем ветрам поляна, где Колобок гудит, что смысл всепогоден

§ 1. Выше обстоятельств

Колобок с давних пор был самым страшным чудовищем Тёмного леса.

Во-первых, он круглый. То есть зацепиться не за что. Никаких углов или граней.

Во-вторых, он гладкий. То есть, опять-таки, зацепиться не за что. Никаких шероховатостей или заусениц.

В-третьих, он всеядный. Он просто вбирает в себя всё, что попадаете ему на пути. Без следа.

В-четвёртых, он идеальный, поэтому предельно горд собой и глубоко презирает всё окружающее.

В-пятых, он не просто шар – он гипершар, то есть пребывает одновременно во множестве измерений. Что из этого следует, никто не знает, но от страха тот же никто ничего поделать не может.

– Вы не имеете права быть таким идеальным и всё в себя вбирать, – мужественно заявил господин товарищ Брыкля. – Мы на вас в суд подадим, гуманный и справедливый.

Тут Колобок должен был повернуться в сторону Ивана с Павлином Матвеевичем, но этого никто не заметил, так как Колобок со всех сторон одинаковый и нет на нём нигде никаких особых примет вроде шрама или родинки, чтобы различить какие-нибудь стороны.

– Как же он видит, – задался вслух мысленным вопросом Иван.

– Я вижу всем своим существом, – прогудел Колобок из своих внутренних бездн.

– То есть вы, получается, один большой глаз, – заметил федеральный адвокат. – Это тоже незаконно.

– Я сам себе закон, высший и непреложный.

– Ооо, а вот тут вы попали, – зашёлся в азарте Павлин Матвеевич. – Тут вы нарушили прерогативу самого царя-батюшки. Он вас за это по макушке вашей не погладит. Где бы она у вас ни была.

– Сейчас я вас поглочу, мелкоту ущербную, и всё. Вы даже не увидите, кто тут закон и что тут законно.

– Погоди, – выступил с миротворческой инициативой Иван, – а какой смысл тебе всё поглощать. Ты ведь и так круглый, и так идеальный. Чего тебе не хватает.

– В этом мире мне смысл не надобен. Просто качусь и поглощаю. Такова моя природа.

– Ага, – зацепился-таки Иван, – значит, в других мирах, может, и надобен?

Тут Колобок должен был замереть во внезапной задумчивости, но этого никто не заметил, потому что он совершенно гладок и однороден.

– Хм... Это забавное предположение. Иметь разные смыслы в разных мирах, а в иных вообще без него обходиться – надо как-нибудь попробовать.

– Да пожалуйста. Мы, дураки, щедрый народ. Раздаём гениальные идеи направо и налево. Особенно налево.

– Да, зацепил ты меня, Иван. Такого отродясь не было, сколько себя помню. А я себя всегда помню. Можешь за это спросить меня что хочешь, перед тем как я тебя поглочу.

– Мы, Колобушко, смысл ищем. Только пока не знаем, что это. Ну как не знаем – кое-что уже выяснили. Но мало.

– Смысл – это такая штука, которая может работать во всех возможных мирах. А они, Иван, бывают ох какие разные. Даже и подумать страшно. В некоторых из них я даже не круглый.

– Возможных мирах? Я дурак, Колобчик дорогой. Объясни попроще как-нибудь.

– Ну вот, например, деньги.

– Да! – поддержал Иван. – Отличный пример.

– Не могут быть они смыслом, – ко всеобщей грусти-печали заключил Колобок. – Потому как не во всех мирах они что-то значат и вообще возможны.

– Да ну, – скептически изумился в свою очередь федеральный адвокат. Он-то знал, чему изумляться.

– Они даже и в этом мире могут потерять своё значение.

– Угу, Идолище Поганое уже говорил про коммунизм и расстрелы.

– Даже и без расстрелов. Могут просто обесцениться, и всё. А в некоторых мирах вообще невозможно никакое количество, в том числе количество денег.

– Я уже говорил, что дурак?

Колобок наверное должен был вздохнуть, но никто этого не заметил, потому что он идеально круглый, безо всяких складок и трещинок.

– Есть миры, где есть только я и больше никого. Потому что я всё там поглотил. Я, знаете ли, могу целый мир поглотить и не поперхнуться. И мне там деньги ни к чему. А смысл должен быть таким, чтобы он был для меня смыслом даже там, где нет ничего, кроме меня.

Товарищ господин Брыкля в это время достал из-за пазухи Ивана самописную грамоту и бегал по ней глазами.

– Точно-точно, про это уже было в самом первом пункте контракта.

– То есть смысл должен греть душу, что бы там ни происходило. Небо может стать землёй, а земля водой, только смысл останется смыслом. Денег у тебя может быть много или вообще не быть, а смысл останется смыслом. Ты можешь быть больным или здоровым, молодым или старым, женатым или холостым, а смысл останется смыслом.

– Да, что-то такое тоже было – как раз в последнем из пунктов, – обратил своё учёное внимание федеральный адвокат.

– Гравитация может исчезнуть или обратиться внутрь себя, люди могут ходить на ушах, твёрдое может стать мягким, а жидкое вовсе прекратиться, камни могут заговорить, звёзды погаснуть, а смысл должен оставаться смыслом. Иначе это не смысл. Он по природе независим ни от каких обстоятельств. Вообще ни от каких, – прогрохотал Колобок.

– Надо же, – удивился Иван.

– Надо же, – согласился Павлин Матвеевич.

– Ну вот. А теперь я вас поглощу.

И громадный Колобок плавно двинулся в сторону федерального адвоката и его доверчивого доверителя. Адвокат побежал, а Иван так и остался тупо стоять. Потому что дурак. Но их обоих постигла одна и та же судьба. Суперколоб поглотил их безо всякого усилия и следа.

Поглотил он и самописную грамоту. Но в последний момент она успела передать в Центр: смысл есть то, что ты можешь пережить, с невозможностью чего ты не можешь смириться, чему ты можешь посвятить всю свою жизнь, к чему ты стремишься как к конечной цели, главное чего для тебя ничего нет, чем ты измеряешь всё остальное, что открывает целое измерение в тебе и во всём вокруг, что подходит для любого разумного существа и что не зависит ни от каких внешних обстоятельств, то есть сохраняет свою значимость во всех возможных мирах.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь за царя

Жил-был Иван-дурак и всё время исполнял волю царя-батюшки. Что царь ни прикажет, всё Иван делал, готов был прямо жизнь отдать. А между делами ждал, что же прикажет царь. Но вот старый царь помер – то ли сам от старости, то ли ему помогли. Иван уж готов был точно так же служить новому царю, да тот прислужников своего предшественника не жаловал, а совсем даже наоборот. Так что Ивана, говорят, даже казнили за слишком рьяную службу не тому царю.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради официального статуса

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел быть не просто дураком, а официальным дураком. Всё для этого делал, всем жертвовал. Молился, постился, не женился, всяческие показательные выступления устраивал. И был уже на волосок от заветной мечты. Но тут звание официального дурака взяли и отменили. Безо всякой компенсации за потраченную жизнь. Так и помер Иван дураком неофициальным.

Глава XI. Внутренняя глушь, где Чудо-Юдо показывает, что смысл – это призма

§ 1. Картинка мирка

Иван-дурак и федеральный адвокат пропали. Но разве могут просто так пропасть целый официальный дурак и целый федеральный адвокат. Конечно, могут: пропали же они из царства-государства в Тёмный лес. Никто и ничто не пропадает никуда, всё пропадает куда-то. Но иногда это куда-то такое, что очень похоже на никуда. Так и теперь: внутренность Колобка оказалась такой же гладкой, безупречной и непонятной, как и его наружность. Ведь понять значит схватить или хотя бы уцепиться, а тут опять ни схватиться, ни уцепиться было не за что. Какое-то серое ничто, в котором ты то ли стоишь, то ли сидишь, то ли висишь, то ли паришь, то ли лежишь, то ли бултыхаешься. Вроде пустота, а вроде и полнота. В общем картина совершенно размытая. Даже и не поймёшь, картина ли это.

Дурак и адвокат уже практически к этому приспособились. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что не одиноки в этой бездне неопределённости, наполнявшей Колобка. Прямо со дна этой бездны на них не моргая глядело ни кто иное, как Чудо-Юдо, и опять собственной персоной. Вот так всегда: в какую глухомань ни заберись, в самой серёдке непременно будет прятаться Чудо-Юдо.

– Вы кто такие. Я вас не звало. Идите отседова, – ласково молвило Чудо-Юдо.

– А вы по какому праву тут? – контрагессивно нашёлся Брыкля. – Это разве ваша жилплощадь или ваше нежилое помещение?

– Я Чудо-Юдо. Я должно находиться там, где меня никто не найдёт и где я могу обнаружиться самым неожиданным образом.

– Так это ты должно быть в каких-нибудь чащобах, туманных болотах и прочих джунглях из разного светопоглощающего материала.

– Не осталось больше таких мест, – гневно вздохнуло Чудо-Юдо. – Нет больше таких трясин и таких бездн, которые нынче не стали проходным двором. Куда ни залезь, всюду тебя тут же находят, хотя бы и умственно. Потому приходится тут сидеть. А вы возьми и найди меня. Что теперь делать бедному Чуду-Юду.

– Ну такому горю помочь дело не хитрое, – гордо заявил Иван. – Ты...

– Секундочку, – прервал нехитрое доброе дело федеральный адвокат. – Давайте всё делать по порядку. По порядку взаимовыгодного сотрудничества. Если вы, Чудо-Юдо, обязуетесь нас не бить, не жечь, не поглощать и прочее, а напротив – помочь нам выбраться отсюда для дальнейшего выполнения нашей миссии, мы вам, в свою очередь, укажем выход из вашего затруднительного положения.

– Экие вы. И что же это за миссия у вас такая, что вам таким её поручили?

– Мы смысл ищем, – отскочило от зубов Ивана. – А для того ищем, что же это такое и с чем его едят.

– Вы что-нибудь об этом знаете? – внёс свой вклад Павлин Матвеевич.

– Знаю только, что это такая штука, которая не зависит от окружающего мира, а сама этот мир определяет.

После такого высказывания даже федеральный адвокат не выдержал.

– Надеюсь, вы помните, что перед вами тут официальный дурак, утверждённый самим царём-батюшкой. Извольте выражаться соответственно.

– Многие дураки думают, – не смутилось Чудо-Юдо, – что мы сначала познаём некую якобы окружающую нас действительность, а потом якобы из добытых сведений узнаём, каков у нас смысл. Но работает это ровно наоборот. Мы сначала обретаем смысл, а потом уже сквозь него видим ту или другую действительность. Сквозь разные смыслы разную.

– Но позвольте, – не ослаблял натиск федеральный адвокат. – Вот если вы попали в засаду, то это объективная реальность. И отсюда объективно следует, что вы должны из неё выбирать.

– Не следует.

– То есть как!

– А вот так. Вы и не примечаете, что смотрите на происходящее сквозь уже вделанную в ваши глазки призму. Может, это и не засада вовсе. А даже и засада, из чего следует, что вам из неё надо выбирать? Может, и не надо.

– Вас послушать, так и законы соблюдать не надо! Вы экстремист! Я на вас официальный донос напишу!

– Ну ладно засада, – аккуратно продолжил беседу Иван, – а коли увеличить масштаб. Есть ведь объективные законы природы, есть научная картина мира.

– Много есть всяких картин, научных и ненаучных, – продолжало огрызаться Чудо-Юдо, – только смысл от них не зависит. Наоборот, он их порождает. Какой у тебя будет смысл, такая будет и картина. Хоть большого масштаба, хоть малого.

– Уж на что я дурак, а такую дурь первый раз слышу, – осерчал Иван.

– Конечно, вы, дураки, только собственным дурацким ощущениям верите. Потому вас так легко обмануть. Ну давай я тебе покажу на примерах.

– Лучше всего на деньгах.

– Пусть на деньгах. Если тебе нужны деньги, всё вокруг превращается в кассу. Пустую либо непустую. И на каждой вещи образуется ценник. Она, эта каждая вещь, даже сама начинает состоять из монет либо банкнот. Оглянись-ка.

И впрямь, всё вокруг преобразилось. Чудо-Юдо всё стало состоять из купюр, сам Иван превратился в медного человечка, а от Павлина Матвеевича осталась половинка ломаного гроша. Внутренние стенки же Колобка оказались выложены чистым золотом.

– И так с каждым смыслом. Коли тебе надо пирог испечь, всё превращается в кухню. Коли сапоги натачать, всё оборачивается сапожной мастерской.

– А коли тебе ничего не надо?

– Коли тебе ничего не надо, как мне, то ты внутри Колобка, где бы ты ни был.

Всё немедленно вернулось как было. Но Чудо-Юдо не унялось.

– Коли же ты не знаешь, что тебе надо – как ты, Иван – то ты в Тёмном лесу, где бы ты ни был.

И тут же Иван-дурак с федеральным адвокатом Павлином Матвеевичем Брыклею оказались снова в Тёмном лесу, не зная, что им надо. А Колобка будто и не было никогда.

Всё это неколебимо запротоколировала самописная грамота. Смысл есть нечто, что можно пережить, неосуществимость чего нестерпима, что стоит целой жизни, что является конечной целью, высшей ценностью и предельным мериллом, что открывает отдельное измерение бытия, что подходит любому, у кого есть разум, что не зависит от переменчивых обстоятельств и даже от картины мира, но само её определяет.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради ледяных чертогов

Жил-был Иван-дурак и с детства верил в Деда Мороза Ивановича. А также в то, что у того есть волшебные чертоги ледяные, а в них живёт его то ли дочка, то ли внучка Снегурочка

– красавица, какой свет не видывал. И что ежели как следует закалиться – до степени полной морозоустойчивости – то Дед Мороз тебя такого возьмёт в свои чертоги и на Снегурке женит. Потому Иван закалялся как мог – ходил всю зиму голышом, нырял в прорубь, спал на снегу и прочим образом себя изводил. Но потом оказалось, что никакого Деда Мороза не существует, а есть Санта-Клаус, у которого нет ни чертогов, ни дочери, ни внучки, и плевать ему на закалку. Не выдержал Иван и помер от душевного переохлаждения.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради своего тела

Жил-был Иван-дурак и всячески заботился о своём тельце. Холил его, лелеял, питал, умащивал и массировал. Потому что знал, что нет у человека ничего другого. Тогда лютые инопланетяне опять похитили Ивана и сделали ему операцию по пересадке тела. Подселили Ивана в тело какого-то плазменного слизнеящера, за ним даже ухаживать было неприятно. К тому же устроено оно было так, что чем меньше о нём думаешь, тем оно крепче. А чем оно крепче, тем тебе хуже. Ну что ты будешь делать.

Глава XII. Бесконечное чернолесье, где Кот-Баюн баит, что смысл – это бездна

§ 1. Неисчерпаемость

Не успели Иван с Брыклей опомниться от своего исчезновения, возвращения из небытия и других приключений, как ощутили на себе взгляд, полный бездонного презрения. Оглянулись – а перед ними огромная морда Кота-Баюна. Такая огромная, что заслонила всё остальное его собравшееся в комок тело.

Кот-Баюн ничего не говорил и вообще не шевелил ни одной мельчайшей частью своей мордени, но передавал свои мысли прямо в мозг дурака и адвоката. Или прямо в душу, тут уж у кого какой смысл. Даже самописная грамота невольно записывала всё, что транслировал Кот. Плевалась, стирала, а потом опять записывала, даже самые грязные ругательства, не в силах устоять перед мыслительным натиском.

Павлин Матвеевич Брыкля, выдающийся федеральный адвокат нашего времени, хотел было заявить решительный протест, но оказался совершенно подавлен беспримерным высокомерием волшебного лесного кота. Самая мысль о протесте, только возникнув, немедленно утопала в потоках котовой умственной скверны.

Одному только Ивану было всё как с гуся вода. Потому что Иван был настоящий дурак. Мозг и душа у него были, а ума никакого не было, так что все воздействия Кота-Баюна немедля отскакивали обратно в наглую жирную морду фантастического животного. Зверюге это было неприятно, поэтому он мысленно спросил Ивана.

– К чему ты тут такой взялся. Мне всегда отвратительно, когда кто-то ходит, а сейчас вдвойне или даже втройне.

– Мы тут составляем мысленный фоторобот смысла, по царскому заданию, – мысленно же ответил Иван. – Чтобы потом по этому фотороботу его самого найти.

– А это ещё кто с тобой, – мысленно поморщился Кот.

– А это мой адвокат.

– К чему тебе в Тёмном лесу адвокат.

– Мне всё равно, я дурак. Адвоката мне царь прислал. Чтоб защищал меня от всяких напастей, если что.

Где-то между этими словами промелькнуло и растаяло Павлиново уточнение: “федеральный адвокат”.

– Какие же вы все мерзкие и ужасные, – привычно констатировал Кот-Баюн. – Как вас только земля носит.

– Расскажи нам про смысл – мы сразу и уйдём.

– Проклятые уродские свинопаскудные тошнопахостные шантажисты. Приходят, гадят и ещё чего-то требуют.

– Ага, мы такие.

Федеральный адвокат даже не знал, что добавить, и мысленно аплодировал Ивану.

– А ну как я вас мысленно до самоубийства доведу.

– Это статья, – только и нашёл в себе сил мысленно пропищать Павлин Матвеевич.

– Оно, конечно, так, – рассудил Иван. – Только всё равно тебе будет неприятно. Тем более что я долго продержусь – у меня столько ума нет, чтобы до самоубийства дойти.

Кот-Баюн мысленно содрогнулся и горько вздохнул.

– Какие же вы все гнусные, гадопохабные, неудобопрашивые и муторные. Ладно.

– Ладно, – подтвердил Иван.

А федеральный адвокат мысленно молчал.

– Про смысл знаю мало. Потому что его практически нет. А что есть, то его всячески отрицает и попирает. Но одно знаю точно. Это такая штукавина, которая никогда не надоест или как-нибудь ещё не обнаружит свою ограниченность.

– Во ты задвинул, котейка.

– Настаиваю, чтобы меня так не называть. Я Кот-Баюн.

– Очень приятно, а я Иван-дурак. Ты меня не смущай своими хитрыми мыслеформами. Говори по-простому, как для дураков.

– Но вот хотел ты, к примеру, машину купить или в Париж съездить или жениться или на самую высокую гору залезть и прыгнуть оттуда. Был это твой смысл. И вот купил, съездил, женился, залез, прыгнул. И что теперь. Теперь смысла нет. Стало быть, и не было его. Было что-то другое вместо смысла. Потому что настоящего смысла хватает не на какое-то время, а хоть навсегда.

– Уже лучше.

– Или другой случай. Хотел в нарды научиться играть лучше всех.

– Лучше в шахматы, – внезапно встрял Павлин Матвеевич.

– Всё равно. Научился. Играешь-играешь, у всех выигрываешь, всё тебе нравится. А потом вдруг раз – и надоело. Сколько можно. Одни и те же позиции, одни и те же комбинации. Это тоже не смысл. Когда смысл, то никогда не надоест. Хоть бесконечное время.

– Вот спасибо тебе, Кот-Баюн...

– Только не надо этого, – с болью и горечью прервал Ивана Кот. – Сразу уходите и не возвращайтесь. И лучше знаете что – идите вон на ту гору.

Кот-Баюн указал на высоченный островерхий утёс, торчащий из непроглядного тумана. – Там вас точно научат, что такое смысл. Авось и не вернётесь.

И пошли они Тёмным лесом куда указано. На достаточном удалении самописная грамота наконец стёрла всю котовую матерщину и записала регулярную сводку. Смысл переживается, рождает последнюю надежду, обменивается на целую жизнь, преследуется всеми средствами, выше всего прочего, задаёт стандарты, открывает свой аспект, годится всякому, не связан с обстоятельствами, не зависит от предшествующих умопостроений и никогда, никогда, никогда не исчерпывается.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради полёта в космос

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел в космос туристом слетать. Это вам не шутки, тут надо тренироваться до полного одурения. Но Ивану было дальше дуреть уже некуда, так что он прошёл все испытания и полетел. Вышел в скафандре в открытый космос и радуется. "Я в космосе", дескать. А потом посмотрел на матушку-Землю и бесконечную чёрную темноту вокруг и радоваться отчего-то перестал. "И чё? И ничё". Вернулся из космоса грустный. Вот слетал. Что теперь-то делать?

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради женитьбы

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь мечтал жениться на Василисе Премудрой. Так, вы представляете себе, женился. Никто не понял как. Ну женился. Однако же он-то думал, что это будет космос. А Василиса Премудрая оказалась обычной бабой. И семейный быт оказался

самым обычным, как везде. Затосковал Иван и повесился. Зато денежки его, накопленные на официальной царской службе, все жене остались. Василиса всё премудро рассчитала.

Глава XIII. Утёс вечности, где Кощей Бессмертный трещит, что смысл – это навсегда

§ 1. Остановка

А кто это у нас по отвесу ползёт, аки по низине. А это Иван наш дурак с адвокатом своим взбираются по утёсу в поисках – не самого смысла даже – а хотя бы образа его, чтобы понять, как его узнать, коли встретишь. Продолжительно ползут, Павлин Матвеевич весь свой костюм дорогой уже в клочья изорвал.

Долго они спорили у подножия утёса, надо ли на него лезть по указанию Кота-Баюна и надо ли федеральному адвокату вместе с дураком Иваном это делать, коли уж тому это в головёнку втемяшилось. Мог бы и без адвоката, по крайней мере без федерального. Но нет – нет никого упрямее дураков. Без адвоката, говорил Иван, не могу пойти. И не пойти, говорил, тоже не могу. А если что, придётся царю весточку отослать, что так, мол, и так – отказался федеральный адвокат услуги оказывать, пришлите другого, но тоже федерального, не ниже.

Павлин Матвеевич был, конечно, интеллигентный человек, но за время штурма утёса уже научил Ивана-дурака, человека простого и опытного, семидесяти семи новым матерным словам и оборотам. Иван был настолько изумлён, что не чуял под собою утёса и лез в два раза быстрее, чем мог, в том числе через самые неприступные скальные извивы. От этого господин Брыкля становился только креативнее. Так они на самозаводящемся духовном двигателе и доползли до самого верха.

Наверху же их никто не ждал. Не в том смысле, что там никого не было, а в том смысле, что там сидел сам Кощей Бессмертный, пребывая в глубочайшей медитации, и никого не ждал, в том числе Ивана, тем более с его адвокатом. Кощей представлял собой, как полагается, скелет, тесно обтянутый полупрозрачной кожей. Сидел он в положении лотоса-цветка и сверлил леденящими глазами бездонное небо над Тёмным лесом.

Иван хотел по-простому сразу спросить его о свойствах смысла, но уставший Павлин Матвеевич сурово ухватил его за ногу.

– Никшни, – изрёк правовед. – Смотри, какой худой. Он нас сожрёт, как только очнётся. Пусть лучше продолжает режим экономии.

– А что же делать, – попытался понять Иван. – Зря, что ли, мы сюда карабкались.

– Конечно, зря. Я это ещё внизу сказал. Надо спуститься обратно и извлечь непреложный урок из моей правоты. Счёт я пришло.

– Ну уж нет. Мы, дураки, никогда оглобли не поворачиваем. Только вперёд, что бы там ни было. Имейте уважение к нашим корпоративным принципам.

– Корпоративные принципы? Никогда не слышал о таких. А ведь я федеральный адвокат. Значит, и нету их. Это ты нарочно выдумал, чтобы мне гонорар за правоту не платить.

Иван хотел было возразить, но тут Кощей из-за злобного шипения отвлёкся от своей медитации и бросил леденящий взгляд в сторону висящих по сторонам пришельцев.

– Повод заморозить вас вы мне уже дали. Но чтобы мне не зря было из медитации выходить, дайте мне повод ещё для чего-нибудь. А уже потом я вас всё равно заморожу.

– Ваше бессмертейшество, я тут вообще ни при чём, – поспешил со своим ходатайством Павлин Матвеевич. – Меня сюда привели под давлением психологического насилия.

– Невиновный, значит?

– Совершенно, безусловно и безупречно невиновный, ваша честь-перечесть.

– Значит, первым пойдёшь на ледышки. Я невинных особенно люблю. Или ты тоже невинный? – обратился Кощей к Ивану.

– Я дурак, – как всегда гордо заявил Иван. – Выводы делайте сами.

Кощей даже на мгновение опустил свой леденящий взгляд. Дурак всегда виновен? Или дурак всегда невиновен? Это проблемка ещё на тыщу-другую лет глубочайшей медитации.

– А что же тебе тут понадобилось, – задумчиво подобрел Кощей.

– Царь меня за смыслом послал, а чтобы узнать, что это, я с адвокатом по Тёмному лесу шатаюсь, информацию собираю – байки всякие, фольклор местный.

– Смысл? Было что-то такое. В далёкой юности.

– У вас и юность была? – попытался заискиванием компенсировать свою невинность Павлин Матвеевич.

– Да, только бесконечное количество лет тому. Так что почитай и не было. Так вот насчёт смысла, – вернулся Кощей к Ивану. – Смысл – это такая штука, на которой ты можешь остановиться. Совсем.

– В смысле перестать бегать? – живо отозвался Иван.

– И бегать, и прыгать, и ходить, и ползать, и вообще как-либо куда-либо стремиться. Полная остановка. Бездвижность. Вечность.

– Как в гробу, что ли?

– Так да не так. Вечность – это не наша обычная жизнь, где мы мечемся и суетимся, но и не смерть. Это надо постараться вообразить. Что-то такое между жизнью и смертью – когда ты жив, но тебе не надо шевелиться, потому что и так уже всё сделано.

– Он дурак, – опять встрял адвокат.

– Нишкни, – постановил Кощей Бессмертный и зыркнул.

– У меня с воображением тоже не очень, – заскромничал Иван.

– Вот если я тебя заморожу – а я тебя непременно заморожу – ты не умрёшь, но застынешь. У будешь наедине со своей последней мыслью, мелькнувшей у тебя перед заморозкой. Ну как с мыслью – с чувством, переживанием, с чем-то таким. Так оно мимолётно, а при моей специальной заморозке оно загустевает до состояния полной стабильности. И вся суть попытки в том, что обычно у людей такое в голове, что останься оно там на мгновение дольше, тут же становится мерзким и постылым. А представь, если это мгновение растягивается и останавливается. Ад. Со смыслом же наоборот. Когда ты достиг своего смысла, ты можешь заморозиться в любой момент, и хоть бы хны. Потому что от смысла ты никогда не устанешь. Иначе какой же это смысл.

Иван-дурак так заслушался Кощей с его звенящим голосом, что совсем забылся, при этом усиленно ковыряясь в носу.

– Я называю это свойство никогда не надоедать, даже в самой глубокой заморозке – вечностью, – Кощей ажно причмокнул от удовольствия и тоже как-то забылся.

Один только федеральный адвокат помнил себя и угрозу своему благосостоянию. В голове у него было такое, что останавливаться было нельзя ни на микроскопический миг. Увидел он, что мимо вершины утёса проплывает облако странное. Тут Кощей очнулся и стал злобно предвкушать, как заморозит непрошенных гостей. Откуда только в Павлине Матвеевиче прыть взялась, как в молодом. Он хватил Ивана и как прыгнет с утёса прямо в облако. Иван только крикнул. Облако оказалось каким-то не то твёрдым, не то мягким, но во всяком случае не жидким и не газообразным, как можно было здраво предположить. Брыкля уцепился за его уступ и повис, держа Ивана. При исполнении трюка, однако, из-за пазухи Ивана вывалилась грамота самописная. Иван её только в самый последний момент за тесёмку удержал. Кощей же в это время как пульнёт леденящим взглядом по облаку.

– Ну всё, – интеллигентно подумал федеральный адвокат, – хана.

Облако, однако, изящно парировало леденящий луч и ускорило в направлении от утёса. На облаке висел Брыкля, который держал Ивана, который держал за тесёмку самописную грамоту, которая передавала в Центр такие слова. Смысл можно почувствовать, смысл должен быть осуществим, смысл равен целой жизни, к смыслу стремятся, смысл ценят выше всего, смыслом оценивают всё остальное, смысл открывает своё измерение, смысл для всех, смысл для любых обстоятельств, смысл рождает картин мира, смысл неисчерпаем, смысл имеет свой прообраз в вечности.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради мороженого

Жил-был Иван-дурак и очень любил мороженое. Постоянно его ел. До того дошёл, что прокрался на фабрику мороженого и пристроился к конвейеру. И так заморозился там, что не мог пальцем шевельнуть, но сознание его ещё теплилось где-то глубоко внутри. А мороженное продолжало поступать в организм Ивана регулярно и его поддерживать. Иван уже не мог видеть это проклятое мороженое, но что делать.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради самого себя

Жил-был Иван-дурак и однажды увидел своё отражение в зеркале под таким благоприятным углом, что немедленно влюбился. С тех пор не отходил от этого зеркала и любовался собою. Когда же это стало его истощать, некая добрая волшебница или даже богиня сжалилась над Иваном и сделала так, чтобы Иван мог ходить куда угодно и заниматься любыми делами, а притом видеть кругом только самого себя. Иван поначалу очень был счастлив, но через-пару тройку лет слегка утомился. "Ты пойми, – сказал он самому себе, – я тебя люблю, ты у меня единственный и всё такое, но должно же быть и какое-то личное пространство". "Конечно, – согласился сам с собою Иван, – только ты верно заметил, что я у тебя единственный. Мы с тобой навеки вместе, и никуда друг от друга не денемся". Затужил Иван и откусил сам себе голову.

Глава XIV. Запредельное облако, где Сирин, Гамаюн и Алконост внушают, что смысл – это абсолюТ

§ 1. По ту сторону этого

Уклоняясь от леденящего взгляда Кощея, странное облако устремилось в стратосферу, что в тоже странно, так как в стратосфере тоже прохладно. Видимо, облако или тот, кто им управлял, это внезапно осознало или осознал или осознала, так как стремительный подъём резко остановился. Брыкля, Иван и грамота по инерции продолжили свой полёт, в результате чего прорвались своими телами сквозь стены облака неизвестной консистенции и оказались внутри.

Внутреннее пространство облака оказалось гораздо больше его внешнего размера. Но при этом было как будто и не пространство вовсе, а нечто пространствоподобное. То есть двигаться в нём было можно, но границы его были не видны и определить, где верх, где низ, где право, а где лево, было затруднительно. Это была какая-то квинтэссенция Тёмного леса, которая сама по себе была настолько туманна, что уже нельзя было сказать, лес ли это.

И вот посреди этой неопределённости пребывали три чудесных существа. Они нагло контрастировали с окружающей тёмно-серостью. Если среда была хоть глаз выколи, то существа были цветастыми прямо-таки вырви глаз. Хотя, с другой стороны, хоть выколи, хоть вырви, всё равно остаёшься без глаз. Так что это была своего рода гармония. При этом они ещё переливались.

– Меня зовут Павлин Матвеевич Брыкля, федеральный адвокат, прикомандированный самим царём-батюшкой к присутствующему тут же Ивану, официальному дураку, откомандированному тем же царём-батюшкой для поисков потерянного смысла, – вырвалось у дровоката.

– Здравствуйте, – невольно продолжила мысль самописная грамота. – Не знала, что я могу обращаться к кому-либо, кроме Центра. Я грамота самописная, выделенная из казны Ивану, официальному дураку, для документирования случающихся с ним событий и своевременного информирования Центра о результатах его миссии.

– А я дурак, – остался невозмутимым Иван. – Поэтому больше ничего о себе сказать не могу.

Три существа то ли пошевелились, то ли не пошевелились, понять это было невозможно. Только в головах у Ивана и Павлина, а также на теле самописной грамоты чудесным образом отразилось, что перед ними птица Сирин, птица Гамаюн и птица Алконост. Они то ли пели, то ли не пели, то ли сидели, то ли стояли, то ли парили, то ли вообще неизвестно что. Судить об этом было решительно невозможно. Однако чувство у всех вновь прибывших было такое, что... опять-таки непонятное какое-то чувство.

В ответ на то ли заданный, то ли незаданный вопрос Иван произнёс.

– Мы уже тут многих повидали, опросили, от многих получили ценные сведения. Почти все пытались нам как-нибудь навредить. Пока понятно только одно – что смысл не в деньгах. Хотя это и обидно.

– Значит, вы утверждаете, что смысл должен быть таким, чтобы его можно было представить в виде безусловного и предельного совершенства за пределами повседневности и природы, – язвительно отреагировал на то ли данный, то ли не данный ответ Брыкля. – Это даже мне непонятно, официальному адвокату, что же говорить об Иване, федеральном дураке. А если Ивану непонятно, как же он смысл до царства донесёт.

– У меня написалось какое-то слово, из-за которого, если я его передам в Центр, меня могут расстрелять вместе с семьёй, – чуть не плача сообщила самописная грамота.

– Какое? – хором заинтересовались дурак и адвокат.

– Тр... тр... транс... транс-цен-дент-ность.

– Это возмутительно, – констатировал Павлин Матвеевич. – Как есть препятствование выполнению задания государственной важности.

Грамоту прямо трясло от происходящего. Вся надежда теплилась только на Ивана.

– Если вы меня спросите, зачем мы вообще тут шляемся, то я не смогу ответить. От всех этих примет, которые мы насобирали в Тёмном лесу, всё равно никакого толку.

Тут глаза всех трёх неземных птиц то ли расширились, то ли не расширились, крыльями они то ли замахали, то ли не замахали, и то ли стало, то ли не стало от них исходить волшебное сияние. Понять по-прежнему было нельзя.

Грамота всё это не выдержала и сломалась. Господин Брыкля позеленел от злости, всем своим видом показывая, что столкнулся с очевидным экстремизмом. Иван же продолжал функционировать как железобетонный официальный дурак, которому всё нипочём.

– Что вы мне объясняете – вы мне объясните. Допустим, всё это делается только для того, чтобы я просто привык к смыслу. Но сколько же можно? Мне нравится Тёмный лес, я тут как рыба в воде, но что-то и я замаялся.

Далее то ли последовал, то ли не последовал сеанс невыразимого общения, в ходе которого Ивану было категорически внушено, что так надо. Дескать, по тем признакам смысла, с которыми его знакомят чудища Тёмного леса, он потом сможет достоверно отличать истинный смысл от ложного. Прямо можно будет сверять по грамоте. А теперь-де важно усвоить очень важный признак смысла – его нездешнюю укоренённость.

– Да что же это вы надо мною, над дураком, издеваетесь. Я вообще не понимаю, что вы мне то ли говорите, то ли не говорите.

Тут Сирип, Гамаюн и Алконост то ли показали, то ли не показали Ивану абсолютного Брыкля, то есть идеального федерального адвоката – вне пространства и времени, вне телесных ограничений, вне законов человеческих и природных. Ужаснулся Иван. Не был бы дураком – обязательно поседел бы.

– Ну вот, например, деньги – их нельзя представить в виде таких идеальных денег вне пространства и времени. Или, например, костюмчик новый. Нет, нельзя. А что можно? Удовольствие можно. Или славу. Или власть.

Вот так и смысл, сказал про себя Иван, будто во сне. Коли его можно представить в виде абсолюта за пределами всего, он настоящий. А коли нет, то нет. Всё это теперь Ивану нужно было самому написать на грамоте, самописность которой была испорчена. Но только он хотел это сделать, как облако исчезло, а они с грамотой и с Брыклей утратили всякую почву под собой и стали стремительно падать из стратосферы назад к родной земле.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради своей репы

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел отрастить самую большую в мире репу. Долго старался, холил её, лелеял, обихаживали баловал – и наконец вырастил. Репу Ивана занесли во все книги рекордов, а самому Ивану дали все нужные сертификаты. Изюм всех возможных миров слетелись ценители, чтобы запечатлеть иванов успех, даже математические существа из мира идей. Давай, говорят, мы тебя, Иван, к нам возьмём – будешь вечным идеальным Иваном. А как же репа? А репу твою взять не можем, она слишком материальная, в горнем мире она ничего собой представлять не будет – там вообще не едят. Осерчал Иван и прогнал заезжие

сущности вон. Оставшуюся жизнь прожил с той репой душа в душу, пока не помер. Так их вместе и похоронили.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради закона

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь по закону. Никаких правил никогда не нарушал, всему следовал, всё в точности исполнял. Даже самые глупые и абсурдные законоположения были для него святы. Помер Иван и попал прямо в рай за свою законопослушность. Как он там оказался, первым делом к главному архангелу: дескать, какие тут правила – я буду их соблюдать. Оказалось, никаких. Как никаких? А вот так. Это для юдоли испытаний нужны законы, а тут уже всё. Опешил Иван. И стал рай для него пуще ада.

Глава XV. Первичное болото, где Царевна Лягушка квакает, что смысл – это не подсмысл

§ 1. Самодостаточность

Иван и Павлин упали в болото, каковое является самым сердцем Тёмного леса. А сердцем этого сердца является Трясина зыбучая, она же Топь тягучая. Там на самом видном месте сидела Царевна Лягушка. Лягушка объявила им, что весь их маршрут заранее предопределён, а то сами они – ни дурак, ни адвокат – ни за что бы не сообразили, что у кого надо узнавать. Потому что перед этим надо было бы узнать, как узнать, у кого и о чём надо узнавать, и так до идиотской бесконечности.

– Так что не будем кривляться, – затараторила Царевна Лягушка, – будто я не знаю, кто вы такие и зачем здесь, будто вы меня пытаете, а я вам нехотя что-то сообщаю в обмен на какие-то ваши услуги в виде тешащих мою душу ваших страданий. Сразу перейдём к делу, потому что именно для этого я вас тут и ждала.

Иван и Павлин только переглянулись, уstraшившись взаимообразного загрязнения.

– Важно тебе понять, Иван, что перед тобой смысл только в том случае, если он несводим к какому-то другому смыслу. Взять те же деньги на те же деньги. Деньги – это форма власти. Значит, смысл – это власть, а деньги вторичны по отношению к власти, поэтому они не смысл. Или вот престижный автомобиль или поездка, которыми ты бы хвастался перед соседями и коллегами. Они вторичны по отношению к славе. Ты хочешь славы у соседей и коллег, что ты вот такой богатый и можешь себе позволить, притом щедрый и не поскупился на покупку, притом ценный специалист и тебя ценят высокою зарплатой. И много всякого такого. Смысл – слава. А машины и поездки лишь средства, знаки или виды этой славы. Вопросы.

Иван благородно молчал. Не выдержал адвокат.

– А вот закон? Закон – это смысл?

– А зачем закон?

– То есть как, – опешил адвокат. – Закон – чтоб был закон.

– Просто так? Ни для чего больше?

– Мы, федеральные адвокаты, именно так и работаем.

– Разве вы не требуете, чтобы новые законы принимались, а старые отменялись. Разве вы не говорите иногда, что законы плохие и надо бы их поменять.

– Ну говорим. Но это только так. Не считается.

Тут очнулся Иван.

– Я начинаю подозревать, что федеральные адвокаты – это такие официальные дураки, только специального назначения. Уважаю.

– А как же царская воля? – не унималась Царевна Лягушка, – Неужто закон выше царской воли.

– Попрошу без провокаций, – парировал Павлин Матвеевич.

– Закон всегда средство, – безумно упрячилась Лягушка. – Он принимается зачем-то, то есть за ним собственно и стоит смысл. Например, чтоб порядок был. Тогда смысл – это порядок. Или чтоб всем мерзее было. Тогда смысл – это всеобщее омерзение. Или чтоб государство не рассыпалось, а наоборот – возрастало. Тогда смысл – это расширение власти царя и бояр его.

– А почему смысл не само государство? – вмешался со своим непониманием Иван.

– Потому что, как я уже сказала, смысл не должен быть производным от других смыслов. Государство ценно не само по себе, а, например, как причина власти правителей и ихних прихлебателей. Там и ещё есть последствия, хоть тот же порядок или безопасность, но эта самая важная. Если правители не получают от государства ничего, они не станут его крепить и ширить, так как смысла в том не будет. Всегда, когда видишь подобие смысла, проследи всю цепочку и выясни, не стоит ли за ним что-нибудь ещё. Настоящий смысл там – в самом начале. Потому что смысл всеобязательно и во всех случаях первичен. Он не может быть производным ни от чего другого ни в каком отношении.

– Какой же смысл в таком случае стоит за исполнением царской воли? – съехидничал господин Брыкля.

– У каждого исполняющего может быть свой, – оставалась неколебимой Царевна-Лягушка. – Кому слава нужна, кому власть, кто о семье радеет, а кто хочет осуществить себя через исполнение своего долга. Дураки просто так царской воле следуют, им, как известно, смысл не нужен и неведом.

– Значит, адвокаты, по-вашему, все дураки? – ощерился Павлин Матвеевич.

– Если только федеральные, – дерзнула Царевна-Лягушка, которой, судя по всему, терять было нечего.

– Разве федеральные адвокаты своей выгоды не имеют? – по-дурацки удивился Иван.

– Конечно, не имеют! – обиделся Брыкля. – Ничего – себе, всё царю и людям.

– Не потому ли в вашем царстве и смысл пропал, – продолжала в своём духе Лягушка, – что царь слишком много дураков вокруг себя развёл.

– Какая же ты наглая, Царевна Лягушка. Никогда таких отчаянных не встречал. Это опять экстремизм. Какой-то прямо рассадник оного в Тёмном лесу. Надо бы сюда комиссию направить по расследованию.

– Давай-давай – направляй. Мы любим всякие комиссии, они обычно жирные да мясистые. Чудищам Тёмного леса питаться надо.

– Ну нас-то вы не съедите. Как выяснилось, никто и не собирался нас есть, потому что у нас высокое предназначение, – федеральный адвокат явно намеревался устроить-таки скандал.

– Целиком, может, и не съедим. И ноги оставим, чтоб вы ушли отсюда поскорее. А вот руки, уши, носы вполне можем обглодать, – сообщила лягушка и своим невероятно длинным языком тут же коснулась второго подбородка Брыкли. Язык был шершавым и липким.

Федеральный адвокат ужаснулся.

– Гребём отсюда, – профессионально посоветовал он Ивану, – пока она нас до инвалидности не обглодала.

И погребли они по трясине-топи. Однако гребли недолго, потому что болота имеют склонность засасывать случайных путников на свою мутную глубину, не считаясь с тем, официальные они или федеральные. Через какие-то мгновения одна только самописная грамота всплыла на поверхность. Работы у неё было много, так как она пропустила предыдущий сеанс и в Центре уже волновались. Шифровка включала полное обобщение вновь полученного опыта, но на этот раз в резко отрицательном ключе.

Что нельзя пережить, то не смысл. С неосуществимостью чего можно смириться, то не смысл. Чему нельзя посвятить всю свою жизнь или ради чего нельзя отдать свою жизнь, то не смысл. Что не становится предметом устремлений и конечной целью всей деятельности, то не смысл. Что ради чего-то ещё, а не всё остальное ради него, то не смысл. Что не мерило для всего и не источник всех оценок, то не смысл. Что не отражает особенное измерение бытия и особенный аспект личности, то не смысл. Что не может быть усвоено любым разумным существом независимо от его индивидуальных особенностей или принадлежности к какой-нибудь категории, то не смысл. Что зависит от переменчивых обстоятельств и не сохраняет свою значимость во всех возможных мирах, то не смысл. Что зависит от картины мира, а не само её

задаёт, то не смысл. Что может надоест или ещё как-нибудь обнаружить свою ограниченность, то не смысл. На чём нельзя остановиться и что нельзя спроецировать в вечность, то не смысл. Что нельзя представить как абсолют за пределами повседневности и природы, то не смысл. Что можно свести к чему-то другому, что является производным от чего-то другого, его формой, средством или знаком, то не смысл. Фоторобот почти готов.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь для аппетита

Жил-был Иван-дурак, и его беспокоило, что как-то недостаточен у него интерес к жизни и жизненный порыв. Грубее говоря, не очень-то ему и хотелось жить. Решил он тогда разжечь в себе страсть к жизни. Пошёл к разным знахарям да ведьмам, и те ему помогли. Благодаря их зельям и да заклинаниям такой в себе жизненный голод Иван распалил, что спасу нет. А утолять-то его и нечем. Так и помер от избыточной любви к жизни.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь для очистки совести

Жил-был Иван-дурак и с раннего детства знал, что главное у человека – это его чистая совесть. Потому он строго следил за собой и никогда ничегошеньки не делал, что могло бы эту совесть запятнать. То есть на всякий случай не делал вообще ничего. Но тут одна девка малая ляпнула ему, что бездействие тоже может замарать совесть. Иван не понял, как можно ничего не делать и в то же время ничего не не делать, и его мозг окончательно сломался. Так что остаток дней провёл Иван-дурак в дурдоме.

Глава XVI. Топь истории, где Кикимора Болотная визжит, что смысл оставляет следы

§ 1. Действительность

В довершение ко всему Иван-дурак и федеральный адвокат Павлин Матвеевич Брыкля чуть не утопили в болоте Тёмного леса. Не утопили они совсем только потому, что напоролась на разъярённую Кикимору Болотную. Почему она была разъярённая? Вообще-то она спокойная, пока не заведётся. А заводится она с пол-оборота. Тут же, во-первых, они потревожили её в её владениях. А во-вторых, пробудили её голод, о котором она почти забыла.

Болото является высшей формой Тёмного леса. Если вы пребываете в Тёмном лесу достаточно долго, даже не двигаясь, вы непременно окажетесь в болоте, и уже никогда оттуда не выберетесь. Поэтому с Тёмным лесом лучше не шутить и слишком часто туда не забредать. В нашем царстве-государстве народ отчаянный и любит хаживать в Тёмный лес за делом и без дела. Потому многие там на всю жизнь и остаются. Смотришь на такого: он вроде бы тут, а на самом деле в Тёмном лесу. И даже более того – он живой утопленник, плавающий в болоте своего мозга. В каком-то смысле вся эта топь-трясина уже вся состоит из наших слишком отважных сограждан. Чтобы как-то их поголовье проредить, и живут там специальные кикиморы.

Кикиморы такие страшные, что одним своим видом способны отрезвить и вернуть к Белому Свету любого, даже если его сознание замутнено и затуманено сверх всякой меры. Вот и теперь Кикимора так испугала дурака и с его адвокатом, что те засучили ручками и ножками интенсивнее своих заводских тактико-технических характеристик. А она ещё дала им подводного пинка в качестве гуманитарной помощи. Теперь сидели они на болотных кочках промокшие и виноватые, а Кикимора проводила с ними последний инструктаж.

– Тёмный лес, господа нехорошие, тоже имеет отношение к смыслу. Он его суррогат, или, говоря по-русски, заменитель. Почему людишки сюда повадились? Потому что когда ты в Тёмном лесу, тебе как будто никакой смысл не нужен. Всё так размыто и неопределённо, что возникает авось. Авось – это такая пустая надежда, у которой форма смысла, а внутри ничего нет, кроме каши болотной. Это когда ил, тина, ряска и всякий мусор взбиты и перемешаны. И человек в таком состоянии живёт, будто смысл у него есть, хотя на самом деле его нет. В голове у него вообще отсутствуют какие-либо чёткие понятия, всё как в дыму.

– А у меня не так, – решил поучаствовать в дискуссии Иван. – У меня в голове вообще ничего нет и потому всё совершенно ясно.

Кикимора тут же больно шлёпнула Ивана своей перепончатой клешней.

– Молчать, дурень.

– Позвольте, вы не имеете право колотить моего клиента. Это незаконно, я буду жаловаться. Даже в самом болоте Тёмного леса у нас есть права, – заскулил Павлин Матвеевич, не забывая, что он адвокат (федеральный).

Кикимора и его ткнула своим чешуйчатым хоботком.

– Заткнись, гнида. Убью. Обоих.

На таком недружественном фоне Иван и Павлин решили слегка присмиреть.

Кикимора заложила за свою многогорбую спину часть лапок и стала степенно прохаживаться между кочками.

– Важным отличием смысла от несмысла, которое вы должны добавить к своему фотороботу, это его действительность. Что это значит. Это значит, что у смысла есть непременно след в нашем мире. Что это значит. Это значит, что живут в наше время или жили в когдатошние времена люди, которые его исповедуют либо исповедовали. Не может быть, чтобы смысл был, а людей, которые им живут, не было. Это не смысл тогда, а дрянь какая-то. Смысл вдохновляет. Коли вдохновляет, то кого-то, хотя бы небольшую и хотя бы слегка организованную группу. Коли вдохновляет, то на что-то, хотя бы на какие-то интересные действия, в том числе совместные. И всегда можно найти следы этой деятельности – в виде стишков, домишек, картинок, засечек, ножичков, горшочков или ещё чего-нибудь.

Дерзкий Иван осторожно приподнял руку.

– Ну чего ещё, – разрешила ему спросить строгая Кикимора.

– А ну как смысл новый. Только-только открылся и ещё не успел толком никого ни на что вдохновить.

– Отличный вопрос, – Кикимора пощекотала Ивана свои ороговевшим стрекалом. – Вообще на Руси можно что угодно найти, потому что Русь большая и границ у неё, как широко известно, нет. И разных медвежьих углов, где живут те, о ком никто не слышал, навалом. Надо только поискать хорошенько. Но если вы всю Русь исходили и вдруг не нашли, то на этот случай есть ещё другая Русь – Невидимая. Туда-то вы для надёжности сразу и отправитесь. Там всё есть – даже то, чего на видимой Руси ещё нет, а может, и не будет никогда.

– Как же мы там увидим какой-либо смысл, есть она невидимая? – продолжил свою линию Иван.

– На то будет дано вам зрение духовное.

– Кошмар, – преодолел обуявшую его робость Павлин Матвеевич, – как же мы будем ориентироваться по невидимой стране, да ещё если это Русь, да ещё без карты. Это вопиющее нарушение прав человека.

– А вот для этого, милостивые государи, Тёмный лес выделяет вам от щедрот своих зверя особого – собачку говорящую. Зовут пёсика Вындрик.

– Очень мило, – съязвил федеральный адвокат. – А грамота самописная с нами пойдёт?

– Нет. В Невидимой Руси она не может действовать, разве что писать невидимыми чернилами, но этого никто не сможет прочесть. Так что сейчас она отправит последний отчёт и станет одним из нас – чудищем Тёмного леса.

– Погодите, – грубо перебил Иван, – а почему вы, чудища Тёмного леса, вообще мне помогаете? Могли бы и сожрать давно.

– Потому что все чудовища Тёмного леса – это на самом деле сотрудники царственной безопасности. Это было с самого начала их задание.

– Вот-те раз. А почему все чудовища Тёмного леса – это сотрудники царственной безопасности?

– А потому что все сотрудники царственной безопасности – это чудовища Тёмного леса.

По итогам этого заявления Иван погрузился в своё обычное дурацкое недоумение, Павлин Матвеевич понимающе кивал, а грамота самописная отправляла свой последний отчёт.

Если кто возьмёт себе смысл, который невозможно пережить, такому человеку придётся заставлять себя жить ради чего-то придуманного, что его не вдохновляет.

Если кто возьмёт себе смысл, принципиальную неосуществимость которого можно стерпеть, ему от этого смысла не будет ни холодно, ни жарко и он ничего не будет делать ради него.

Если кто возьмёт себе смысл, которому нельзя посвятить всю свою жизнь и ради которого нельзя отдать свою жизнь, жизнь такого человека будет дырявой, вялой и полной пустоты.

Если кто возьмёт себе смысл, который не является предметом устремлений и конечной целью всей деятельности, жизнь такого не будет иметь никакого отношения к выбранному смыслу ни в целом, ни в частностях.

Если кто возьмёт себе смысл, не ради которого всё остальное, а который сам ради чего-то ещё, такой человек будет обманывать себя и в действительности следовать какому-то другому смыслу, о котором он даже не подозревает.

Если кто возьмёт себе смысл, который не является источником всех оценок и не задаёт оценочную шкалу, у такого человек должно не будет совпадать с хорошим и наоборот, то есть он может считать своим долгом что-то плохое, а хорошее считать запретным.

Если кто возьмёт себе смысл, который не открывает и не отражает особенное измерение бытия и особенный аспект личности, жизнь такого человека будет посвящена чему-то фиктивному и мнимому, что не может принести никакого удовлетворения.

Если кто возьмёт себе смысл, который не может быть усвоен любым разумным существом независимо от его индивидуальных особенностей или принадлежности к какой-то категории, такой человек рискует утратить смысл, как только он сам изменится или перейдёт в другую категорию.

Если кто возьмёт себе смысл, который зависит от обстоятельств и действует не во всех возможных мирах, такой человек рискует утратить смысл, как только обстоятельства изменятся.

Если кто возьмёт себе смысл, который зависит от какой-то картины мира, такой человек непременно закоснеет у будет цепляться за эту картину мира, даже если весь его опыт будет говорить, что она в чём-то неверна, потому что иначе он утратит смысл.

Если кто возьмёт себе смысл, который внутренне ограничен, такой человек рано или поздно утратит смысл, в силу того что тот себя исчерпал, либо такому человеку придётся сделать ограниченным самого себя, чтобы не чувствовать ограниченность своего смысла.

Если кто возьмёт себе смысл, на котором нельзя остановиться и с которым можно пребывать даже в вечности, такому человеку непременно надоест этот смысл и ему придётся с ним мучиться по крайней мере остаток жизни.

Если кто возьмёт себе смысл, который нельзя представить в виде абсолюта за пределами повседневности и природы, такой человек погрязнет в быту, будет тосковать, но в то же время будет бояться всего, что хоть как-то выше самой привычной рутины.

Если кто возьмёт себе смысл, который является производным от какого-то другого смысла, то такой человек будет вероятнее всего следовать смыслу каких-то других людей, а не своему.

Если кто возьмёт себе смысл, который не оставляет следов в действительности, никого не вдохновляет и не собирает вокруг себя других людей, то такой человек и сам не будет им вдохновляться, как будто у него и нет никакого смысла.

Таков негатив полного фоторобота, с которым Иван-дурак отправляется за смыслом в Невидимую Русь. И с ним, кроме федерального адвоката Павлина Матвеевича Брыкли, командирится Вындрик собака лютый зверь. Отчёт грамоты самописной закончен.

§ 2. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради всего наилучшего

Жил-был Иван-дурак и всю жизнь хотел как лучше. Сам хотел быть лучше и другим желал, чтобы они были лучше и им было лучше. Кого ни встретит, каждому так и говорит: будь лучше. Никто с ним не спорил. Но отчего-то никто лучше не становился. Тогда Иван решил учредить массовое движение за всё лучшее и против всего худшего. Опять-таки никто слова против не сказал. Но никто и не присоединился. Не понял Иван такого противоречия. Ведь если все за всяческое улучшение, то они должны поддержать иванову инициативу. Но никто даже не хотел с Иваном обсуждать эту насущную проблему. Тогда она прицепился к какому-то

старичку, которому деваться было некуда. Старичок не вынес и говорит Ивану: смерть лучше жизни али хуже? Не нашёлся Иван, что ответить, потому что не знал. Теперь уж сам проверяет.

§ 3. Видение Ивана-дурака о том, как он проживает свою жизнь ради одиночества

Жил-был Иван-дурак и всё время сторонился людей. Дичился, убегал, прятался в жито. Родные поначалу пытались его урезонить, а потом плюнули. Больше Ивана никто не видел.

Глава XVII. Вындрик собака лютый, который популярно объясняет, что без него смысла не будет

Хотели уж было путники попрощаться, рыдая от чувств, с Тёмным лесом, да не тут-то было. Не до сантиментов оказалось, потому что выступил Вындрик.

Вот он какой собака лютый – Вындрик-зверь. Чудовище тучно, толсто, жирно, гнусно, стозёвно и лающее бесконечно. Всё в складках, с кривыми лапами, ушами летучей мыши, выпученными буркалами, приплюснутой носопырой и выдвинутой нижней челюстью, полной маленьких неровных зубцов, сопливое, слюнявое, вонючее и издающее отовсюду бездну ужасающих утробных хрипов. Вындрик глаголет языками человеческими и нечеловеческими, кричит, сопит, стонет, чавкает, вздыхает, отхаркивается, рыгает, выпускает боевые отравляющие газы, постоянно чешется, громко трясёт ушами, хочет жрать, но и не менее постоянно его тошнит. Вындрик смысл нюхом чувствует. Больше ничего он не чувствует, только смысл. Очень полезное животное.

– Хороший Вындрик, хороший, – попытался приласкать специальную собачку Иван.

Но Вындрик был непоколебим перед лаской.

– Только потому что ты официальный дурак, прощаю я тебе твои неосторожные действия, Иван, – гавкнул Вындрик. – Следующий раз откушу половину тела от другой половины.

– Не могли бы вы, многочтимый Вындрик-зверь, – начал заминать дело Павлин Матвеевич, – посвятить нас вкратце, куда мы идём, как мы идём и что нас примерно там ждёт?

– Меня нельзя прямо ни о чём спрашивать. Я существо гнусное и по характеру вредное, поэтому на прямые вопросы из принципа не отвечаю. Только на первый раз и в виду чрезвычайности ситуации прощу. У нас есть фоторобот смысла и мой нюх.

– Где ж у нас фоторобот, – вышел из себя федеральный адвокат. – Фоторобот тут остаётся вместе с грамотой самописной.

Не успел Павлин Матвеевич это сказать, как чудовища Тёмного леса во главе с Кикиморой напали на него и на Ивана и стали запихивать им в глотку рекомую самописную грамоту и её нотариально заверенную копию. Оригинал Ивану, копию адвокату его.

– Ешь грамоту, Иванушка, – приговаривали они. – Так весь её фоторобот перейдёт в твою голову дурацкую.

Иван давился, но ел, так как другого выхода у него не было. Аналогичный процесс происходил с Павлином Матвеевичем, хотя тот и брыкался как мог, пытаясь представить устные ходатайства в защиту свои прав человека и адвоката. Вындрик между тем удовлетворённо продолжил.

– Так вот, у нас есть фоторобот смысла в двух экземплярах и мой нюх. Невидимая Русь полна разнообразных смыслов. Она такая же, как и обычная видимая Русь, только невидимая. То есть дорог нет, порядка нет, а самыми опасными разбойниками являются блюстители закона. Каждый шаг будет даваться с трудом. И вообще лучше туда не ходить.

– Оно конечно, – как бы для себя задумчиво заключил проглотивший копию грамоты Павлин Матвеевич. – Только если мы и на Руси видимой смысла не видим никогда, как же мы его на Руси Невидимой узрим.

– Это просто, – купился на примитивный адвокатский приём наивный Вындрик. – Каждый смысл – это своего рода планида или даже звезда. Он сияет внутри человека, источая из тел специфический запах, и я его чувствую. Причём у каждого смысла запашина своя.

– Хорошо, коли так, – продолжил имитировать задумчивость адвокат, – а ну как мы заблудимся. Будем блуждать по свалкам да пустырям, где смысл вообще не ночевал.

– Смирись, адвокатица: никакой карты страны смыслов – Невидимой Руси – у нас нет. Мы сами должны её нарисовать. Знаю только, что страна сложная, местность пересечённая, всюду белые пятна и чёрные дыры, много разных измерений и пространственно-временных переплетений.

– Это я понимаю, – изобразил сочувствие Брыкля. – Только вот, допустим, нашли мы какой-то смысл – и решили его донести до царства нашего государства. Как его ловить, как паковать, как транспортировать. Ну как он испортится по дороге – разобьётся, протухнет, прожжавеет или ещё что. Мыши его могут сожрать. Это если его нам позволят брать и грузить.

– С этим трудностей не должно быть. Смысл, конечно, самая большая драгоценность, дороже платины и калифорния-252. Дороже антиматерии. Но почему-то его никогда никому не жалко, а даже наоборот. Пихают иногда чуть ли не насильно. Тут надо быть разборчивым. Что касается упаковки, здесь главное герметичность. Чтобы смыслы не смешались. Они это могут, и тогда получается какой-то другой смысл.

Сказав это, Вындрик затряс головой, а потом и всем телом, разбрызгивая вокруг себя слюни, сопли, грязь, шерсть, коросту и блох размером с кулак. Федеральный адвокат закашлялся, так что эстафету перехватил лично Иван.

– Не могу понять. Как же мы туда попадём. И главное – как мы оттуда обратно выйдем. Это же Невидимая Русь. То есть её никто никогда не видел. У нас и видимую-то Русь мало кто видел всю, а если и видел, то не узнал, а если и узнал, то не запомнил, а если и запомнил, то не смог об этом никому ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Больно много ты волнуешься для дурака, – заурчал Вындрик. – Сказано же тебе, что дано будет всем участникам экспедиции духовное зрение.

– Нам, как раз дуракам, всякое духовное зрение глубоко чуждо.

– Нам, федеральным адвокатам, оно тоже социально неблизко, – весомо добавил Брыкля.

Вындрик надулся, прищурился и громко испустил самые едкие отравляющие газы из своего арсенала. Иван и Павлин не только ослепли, но даже оглохли на какое-то время. Однако при этом они и не заметили, как чудесным образом обрели зрение духовное. И открылась им Русь Невидимая, полная смыслов неведомых.

Часть вторая. Край одиночных смыслов

Глава XVIII. Гиперборея – Урочище победолюбцев, где Верховный главнокомандует, что смысл – это победа

§ 1. Духовное проникновение в урочище

– Предлагаю живо расправиться со всеми трудностями и бегом домой, – сделал рационализаторское предложение федеральный адвокат.

– А коли мешать кто будет, – съязвил Вындрик.

– Кто?

– Ну мало ли, враги всякие.

– С врагами по-нашему – немедля сразить и поразить. Даже как-то совестно вам такое напоминать.

После этих слов три путника оказались перед воротами циклопической крепости, оштенившейся всеми возможными защитными сооружениями. Из-за стены раздавались вопли.

– Газы! Химическая атака!

– Кого увижу без средств индивидуальной защиты, лично убью!

– Почему противогаз не покрашен!

Вындрик сразу залёг в боевую лёжку.

– Чую! Есть тут смысл. Простой и жёсткий. Как бедренная косточка.

Дурак со своим адвокатом (федеральным), пытаясь понять происходящее, стали опасно озираться. Крепость стояла на вершине горы и возвышалась надо всей местностью. Вокруг можно было увидеть десятки других урочищ разного вида и строения. Путники залюбовались открывшимся обзором Невидимой Руси. Внезапно знакомые вопли раздалась уже прямо за их спинами.

– Руки вверх!

– Лицом в пол!

– Документы!

Вындрик, вместо новой химической атаки, уткнулся мордой в пол, отклячив задницу и повиливая толстым обрубок хвоста. Иван вытянул руки вверх, сладко потягиваясь. Адвокат Брыкля протянул документы обступившим их вооружённым людям, одновременно как бы невзначай спрашивая.

– А у вас-то самих какие документы?

– Мы вас взяли в плен, – ответил солидный мужчина с лицом-кирпичом. – Как потенциальных нарушителей наших священных границ и подозреваемых пособников врага.

– Ну хоть представьтесь для солидности, – проявил военно-дипломатическую хитрость Павлин Матвеевич.

– Старший старшина Старшой, – оттарабанил ветеран.

– А я Иван-дурак, официальный. Мы тут смысл ищем. Вот у вас какой смысл?

– У нас смысл один – уничтожить врага.

– Наш смысл – победа! – хором прокричал возглавляемая старшиной группа захвата.

– Над кем? – продемонстрировал свою простоту хуже воровства Иван.

– Над врагом, над кем же ещё, – ответил подозрительностью Старшой.

Адвокат молчал и дёргал за одежду Ивана, чтобы тот тоже молчал. Но оставался ещё залёгший наизготовку лютый Вындрик.

– И кто же у вас враг? Кто у нас враг? Кто? Кто?

Старшой поднёс к лицу шипящую рацию.

– У нас тут группа неизвестных. Шатались у границ. С говорящей собакой. Не знают, кто враг. Спрашивают про смысл.

Рация зашипела особенно зловеще.

– Слушаюсь. Приступаю к исполнению.

В тела путников уткнулись стволы. Вындрик стал тереться о них, почёсывая землю задней лапой.

– Приказано доставить вас в комендатуру для дальнейших разбирательств. Пшли.

§ 2. Хождение по урочищу

Команду смыслоискателей провели в ворота. По абсолютно ровным и аккуратным улицам урочища люди ходили исключительно строем.

– Вообще я вам ничего не должен говорить, – заговорил на ходу Старшой, – потому что вдруг вы шпионы вражеские. Но начальство велело, чтобы на ваши вопросы про наш смысл отвечать. Это, говорит, как военная операция, в результате которой вы должны перейти на правильную сторону, то есть к нам и против врага.

– А кто всё-таки враг? – продолжил беседу Иван.

– Ты что – дурак?

– Да. Говорю же, официальный. У меня и бумага от самого царя есть. С печатью.

– Тогда ладно. В общем враг у нас абсолютный. Который всему враг. И вам тоже.

– Вот как, а мы и не знали, – завёл свою шарманку федеральный адвокат. – А мы-то думали, что вражда – это взаимные отношения.

– Вы, может, и не знали, – не смутился Старшой, – зато он знает. Враг хочет изгадить жизнь всем и каждому. Во что бы то ни стало. Такова его суть. И он не успокоится, пока не достигнет своего. Он нападает повсюду и ни на миг не останавливается. С ним невозможны контакты, переговоры, перемирия и взаимные уступки. Его недостаточно потеснить, ограничить, усмирить, подчинить. Его можно только уничтожить. Но сделать это нелегко. Нас ждёт долгая, жестокая, изнурительная и тотальная война с переменным успехом. Он очень силен. Велик риск, что не мы его, а он нас. И если так, пожалеют все, без исключения. Ни слёзы не помогут, ни стенания. Будем хотеть умереть, а не сможем. Хуже этого вообще ничего не может быть и представить невозможно. Полный и кромешный ад.

– Нельзя ли конкретнее? – сумничал Брыкля. – Кто он – этот враг? Как его имя-отчество? По какому адресу проживает? Где и кем работает?

– Типичная ошибка новобранца, – унизительно отчеканил Старшой. – Враг может явиться в любом обличье. Или вообще ни в каком. Он может и в вас вселиться. Если уже не вселился. Мы это ещё проверим. Вот здесь, на этом ярусе, как раз расположены те, кто понимает врага как какое-то определённое существо. Или класс существ. Они думают, что победить надо кого-то такого же, как они сами. Что это будет как сражение между двумя армиями.

– А разве не будет? – не постеснялся уточнить Иван.

– Армия – это организация и дисциплина, – парировал Старшой. – Это самоотверженность вплоть до готовности умереть. Всё это благо. А наш враг – это зло. Абсолютное зло. В нём нет никакого блага. Поэтому у него не может быть армии. Поэтому победа над ним будет чистой. Ничем не омрачаемой.

– Откуда вы вообще знаете, что существует такой враг? – обеспокоился Брыкля.

– Вы когда-нибудь задумывались, почему всё время что-то идёт не так? Жить спокойно нельзя. Обязательно какие-нибудь страдания, неудачи, боль, деградация, смерть. И даже если всё получается, всё равно тоска и неудовлетворённость. Всё потому, что есть причина зла. Конечная причина, самая первая. Которая всё всегда портит. Всегда, а не иногда – потому что специально это делает. Потому что это не просто причина, а злая воля. Если хотите хорошо жить, её нужно одолеть.

– Как же её ухватить – эту злую волю? – вступил в дискуссию лютый Вындрик. – Ухватить и порвать.

Пока Старшой рапортовал, не снижая темп марша, они уже поднялись на следующий ярус цитадели.

– Вот здесь, – указал старшина на окружающий ландшафт, – как раз разместились те, кто приравнивает врага к какому-то определённом началу. Не к людям или иным живым существам, а к сущностям. Одни считают врагом материю. Дескать, материя – источник всякого нестройства, и это от неё надо избавиться. Потому что она косная и тягучая. Другие считают врагом случай. Мол, зло всегда случайно, это когда случай вмешивается в ход дел и нарушает порядок. Победи случайность – и всё будет как надо. Но материя сама по себе и случай сам по себе не зло. Они могут быть благом. Злом их делает другая сила.

– Так и в чём же зло? – это был кто-то из трёх, трудно сказать кто. Одно из белых пятен в этой истории.

– Зло повсюду, но выделить его почти невозможно. В этом отчасти и состоит наша задача. наших подразделений разведки и контрразведки. Главное, истинное зло не имеет ничего общего с благом. Приписывая благие качества злу, мы делаем нашей целью именно благо, а зло ускользает от удара. Поэтому зло неуловимо, хотя активно и порой победоносно. Его армия непохожа ни на одну из армий. И ни одна из привычных нам армий неспособна противостоять злу. Она готовится биться с такой же армией, как она сама, и в этом роковая ошибка. Зло сталкивает два блага и побеждает. Существовая только благодаря благу и только через него, зло может овладеть любой из армий и заставить служить себе.

– Я ничего не понимаю, – с готовностью признал Иван. – И что же тогда делать?

– Для начала надо выбрать правильную сторону. А то многие не прочь заигрывать с врагом. Или делать вид, будто его нет. Это ведёт к гибели. Затем – выявлять всё, что портит жизнь, и отдаляться от этого. Исключать порчу и скверну из своей жизни. Видеть за этим происки врага, а не что-то другое – случайность или глупость. Когда же придёт пора, быть готовым к последней битве. Не жалея себя.

– Ты что-нибудь понял? – спросил Иван у Вындрика. Но ответил почему-то федеральный адвокат.

– Это какая-то паранойя. Мы со всеми стараемся дружить, даже с прокурорами и палачами.

– Это вам в соседнее урочище, – заёрничал Старшой. – Проклятые пацифисты. Из-за них нас в Великий союз не пускают.

– Какой такой союз? – заволновался Иван.

– Все урочища Невидимой Руси делятся на союзные и внесоюзные. В Союзе урочища могут, конечно, друг с другом враждовать по каким-то частностям, но в целом, стратегически друг с дружкой согласны и перед внешними друг дружку в обиду не дадут.

– А вы, что же, несогласны с кем-то стратегически? – усмехнулся Брыкля.

– Мы-то со всеми согласны, кроме этих... пацифистов.

– Они при этом в Союзе?

– Нет, их тоже не взяли.

– Не понял, – привычно заметил Иван. – Если их не взяли, почему вас-то не взяли.

– В Союзе все должны быть согласны с каждым и каждый со всеми. Мы согласны со всеми, кроме пацифистов, и пацифисты согласны со всеми, кроме нас. Вот за то, что мы друг с другом несогласны, оба наших урочища туда и не берут.

– Так, может, вам согласиться?

– Никогда. И ни за что.

– Это почему же так? Разве они враги?

– Ну вот и комендатура, – отчитался старший старшина Старшой. – Тут вам ответят на все остальные вопросы и зададут свои, чтобы вы на них ответили, если что.

Путники поднялись на самый верхний ярус Урочища победолюбцев – в ставку Верховного Главнокомандующего.

– А не расстрелять ли вас, – радостно приветствовал вошедших Верховный Главнокомандующий.

– Если только это будет способствовать осуществлению вашего смысла, – хитро ввернул Вындрик собака лютый. – Иначе смысла нет.

– Так вы против врага или за? – не отставал Верховный.

– Мы точно не за, – продолжил свою линию защиты Брыкля. – Кто же будет за такое. Но мы как бы не вполне уверены, что такой враг существует, а если существует, то каков он. И в зависимости от последнего – каковы методы борьбы с ним.

– Уверены, но не вполне? Как бы не вполне – это вполне? Или как бы не уверены, то есть уверены? – потребовал однозначности Верховный. – У нас тут всё строго и просто, по-военному. Если да, то да, если нет, то нет. Идёт война добра и зла. Всеобщая и всеохватная. Все эти виляния только на пользу врагу.

Брыкля высокомерно замялся, Вындрик самозабвенно обнюхивал всё окружающее, один только Иван не забыл про свою миссию.

– Извиняйте, товарищ Верховный Главнокомандующий. Я дурак, и у меня всё тоже по-простому. Мне в голову запихали фоторобот смысла, и надо понять, соответствует ли ему ваш смысл. Если соответствует, мы его возьмём и отнесём в наше царство. А дальше как наш надёжа царь-батюшка решит. Вдруг и установит ваш смысл в качестве государственного.

– Было бы неплохо, – одобрил Верховный. – Спрашивай, Иван, свои вопросы дурацкие. Только осторожно.

§ 3. Ивановы дурацкие вопросы и верховные главнокомандные ответы

– А что это – победа? Ежели как смысл.

– Разве старшина Старшой вам не объяснил?

– Объяснил. И я даже не всё не понял. Но я хочу ещё меньше не понять. Чтоб до царя донести и не расплескать из головы.

– В общих чертах победа – это нейтрализация противника. То есть противник оказывается более неспособен совершать против вас враждебные действия. За счёт чего – это особый вопрос. Вы можете противника переубедить, и тогда он сам прекратит вражду либо вообще перейдёт на вашу сторону. Вы можете его разоружить либо сковать, то есть лишить его свободы, и тогда он, хоть и будет желать вам зла, окажется бессилён его осуществить. Но самое надёжное – это полностью его уничтожить. Тогда у него не будет никакого шанса причинить вам дальнейший вред. Среди наших воинов есть сторонники разных методов, но лично я предпочитаю именно этот последний, так как наш противник – это абсолютный враг.

– Здорово. А как это конкретно?

– Как?

– Ну какая победа на ощупь? В смысле на ощупь души. Можно ли её пережить и всё такое?

– Это победу-то? Тут мы всех опережаем на сто очков. В детстве небось драться приходилось? Ну или хотя бы в конкурсах разных участвовать, в соревнованиях, в олимпиадах. Когда чувствуешь своё превосходство, возобладание, перевес, наконец успех в борьбе с опостылевшим противником – что может быть слаще. А потом переходишь от частичной победы к полной: разгром и триумф. Гад повержен, и ты можешь топтать его ногами. Он уже не поднимет голову и не сможет совершать над тобой никаких враждебных действий.

Верховный разошёлся, Иван и Павлин Матвеевич внимательно смотрели на него, не издавая ни звука. Даже Вындрик к ним присоединился, лишь слегка похрюкивая.

– Но это, так сказать, бытовой опыт. После него у вас может наступить даже некоторое раскаяние, потому что вы повергли только временного врага, который по большому счёту не враг. А представьте, когда вы превозмогли истинного, тотального врага – вашего и всего существующего. Вы с ним долго сражались, вы рисковали потерпеть от него ужасное поражение, всё было под самой большой угрозой, какую только можно себе вообразить. Вы пострадали от него сверх всякой меры. И вот – с ним покончено. Навсегда. Это неизмеримое и неопишуемое блаженство.

– А зачем это?

– Что зачем? – даже несколько растерялся суровый Главнокомандующий.

– Зачем победа?

Наступила тишина, нарушаемая только звуками вындрикова почёсывания и кряхтения. Наконец, Верховный предельно спокойно вымолвил.

– Победа над врагом превыше всего. Нет и быть не может ничего, ради чего ещё нужна победа.

– Ну вот ты же токмо что сказал про блаженство. Так, может, ты хошь победить ради этого блаженства. Или ради славы. Военные же любят славу победителя. Или ради богатой добычи.

Лицо Верховного Главнокомандующего окаменело, хотя и слегка подёргивалось в районе левого глаза.

– За победу я, как и любой мой солдат, готов отдать что угодно, включая всё. Жизнь, блаженство, любовь, власть, честь. Даже честь, – угрожающе скрипнул он зубами.

– Ну ладно-ладно. Так что же, вот так всю жизнь биться за победу, ни о чём больше не думая?

– Коли не посвятишь этому всего себя, не будет никакой победы. Это же война. На секунду отвлёкся – и кранты. Всё, что я делаю – во имя победы. Встаю утром и ложусь вечером, мечтая только о победе.

– Ага, вот я встал с утра – и что мне тады делать?

– Во-первых, не спи много, а ровно столько, сколько надо для боеспособности. Заведи строгий распорядок. Когда тренировка, когда рекогносцировка, когда атака, когда что. Тогда у тебя не будет вопросов, что делать с утра или с ночи. Если не можешь сам собой командовать, заведи себе командира. Он тебе популярно объяснит, что надо делать. Это лучше всего.

– Вон оно как. А вот я делал-делал весь этот распорядок – и помер. Погиб в бою или просто так. И что?

– Помирать полагается, увлекая с собою максимальное число врагов. Хотя бы опосредованно – через влияние на товарищей или ещё как-нибудь. Лучшая смерть, конечно, прямо в бою. Тогда ты будешь знать, что умер не зря. Но внёс свой вклад в будущую вселенскую сверхпобеду, которая, получается, будет и твоей. То есть твоя смерть сама должна быть маленькой победой и прообразом большой.

– А вот ежели я инвалид без рук, без ног и меня заперли в комнате на всю жизнь? Как мне тогда воевать?

– Победе может служить любой. Враг у всех общий. Нет никого, кто мог бы отсидеться и кто не страдает, коли тот победит. И нет никого, кому не будет счастья от победы над злом.

Так что мы принимаем в армию добра всех. И боевой пост тоже может быть каким угодно и где угодно. Битва-то идёт не где-то, а везде. В том числе внутри тебя. Ежели ты одиноким калекой не склонился ко злу, то ты герой. О тебе легенды и песни сочинять будут, чтоб других бойцов научить твоим примером.

– Ну пусть. Вот победили – и что дальше? Всё – смысла больше нет? Опять может всё надоест?

– Пойми, дурья твоя башка, победа – это решение всех проблем. Скука, тоска, усталость, неудовлетворённость – всё это происки врага. Когда не будет врага, не будет и скучно или тоскливо.

– А что будет-то?

– Да, – вмешался Брыкля, – как именно вы себе представляете это финальное торжество? Ведь победа – это всего лишь мгновение. Вы думаете как-то его остановить или бесконечно повторять снова и снова?

– Тут есть разные версии, – уклончиво, но честно доложил Верховный. – Одни считают, что, однажды победив врага, мы будем переживать момент победы снова и снова. Например, каждый день мы будем просыпаться, отправляться в сражение, побеждать в нём, а потом пировать. Бесконечно. Другие же верят, что победа остановит время, потому что время – это лишь производная борьбы, а связанное со временем разрушение – это вообще вражеская порча. Поэтому мгновение победы станет вечностью, вне всякого времени и вне всяких перемен. Старшина Старшой верит в первое, я во второе.

– А что если объективная наука объективно открыла, что объективно есть некий бог и он запрещает воевать? – ехидно выпалил Иван.

– Происки врага разные бывают, – с усталостью бывалого бойца обобщил Главком. – Он и науку извращает, и богов вербует, и всякие наваждения подбрасывает. Лишь бы противника, то есть нас, отвлечь и измотать. Но мы на это не поддадимся.

– Здорово вы отвечаете, – подбодрил Верховного Главнокомандующего Иван. – Чётко, а главное быстро.

– У нас это лаконично называется “лаконично”, – дал историческую справку Верховный.

§ 4. Видение Ивана о том, как он проживает жизнь ради победы

Жил-был Иван-дурак и постоянно лез в драку. Его почти всегда били, а он не успокаивался. Потому что всё его раздражало и казалось ему невыносимым злом, которое окружающие творят специально против него. Связали тогда Ивана и обкололи успокоительным. После этого он слегка затаился и сменил методы, но считать всех врагами не перестал, во всём видел происки и склочничал как мог. И умер героем в противостоянии мировому заговору против него. Затравили, сволочи.

§ 5. Павлиновы адвокатские вопросы и верховные главнокомандные ответы

– С какой меркой вы берётесь судить-рядить о том да о сём?

– Боевая эффективность. Есть существа, вещи, идеи, отношения, которые хорошо показывают себя в бою и вполне победоносны. А есть никчёмные, небоевые и пораженческие. Ну и тот, кто не с нами, тот против нас. Кто нарушает дисциплину, тот помогает врагу.

– А если кто-то мешает борьбе с врагом, можно ли его, например, убить?

– Это и есть враг. Первым делом его надо обезвредить. Потом его надо попытаться перевоспитать. А если он безнадежен, его надо казнить, чтоб другим было неповадно.

– А ежели сам царь запретит всю эту военную истерию под страхом смерти?

– Жизнь за победу – это наивысший удел. Мы все к этому стремимся. Я, не задумываясь, умру в любой момент, лишь бы враг был в конечном итоге повержен. А царь этот – явный враг.

Павлин Матвеевич записал этот ответ с особенной аккуратностью, но в остальном вида на всякий случай не подал. Вот что значит опытный адвокат федерального уровня.

– У вас и единомышленники на Руси видимой водятся?

– Конечно, есть. Хотя видимая Русь находится в тени Тёмного леса и все понятия там смешались и затуманились, всё равно и там остаются верные солдаты победы. Земной религией победы является зороастризм. Во всяком случае изначально всё было именно так, как я вам доложил.

Сидевший рядом Вындрик, будучи никем иным, как чудищем того самого Тёмного леса, напрягся и бешено завращал своими буркалами. А Павлин Матвеевич тем временем ничего не упустил в своём будущем донесении.

§ 6. Видение Павлина Брыкли о том, как он проживает жизнь ради победы

Жил-был Павлин Брыкля, федеральный адвокат, и неизменно стремился всех победить в судебном состязании. Суд был для него полем битвы. Против всех. Прежде всего против прокуроров и адвокатов противных сторон. Но поскольку судьи не всегда безоговорочно принимали суждения Брыкли, то и против судей. Собственно, судьи оказались главными врагами. Он их неизменно побеждал, но они этого никогда не понимали. Поэтому страждущие обращались к Павлину Матвеевичу за помощью всё реже. И умер он в нищете, но непобеждённый.

§ 7. Вындриковы собачьи лютые звериные вопросы и верховные главнокомандные ответы

– А что если ты живёшь в мире, где победа – это боль? Или даже победа – это смерть? Победил значит мучительно помер. Всё одно будешь за победу?

– Мы и живём в таком мире. Враг так всё сделал, что всё хорошее обязательно оборачивается чем-нибудь плохим. А коли война, так это вообще в порядке вещей, как может быть по-другому. Истинный воин не то что готов – он привык к боли и смерти. Просто они должны быть не зря. Но победа – это как раз тот случай, когда всё остальное по барабану. По победному барабану, разумеется.

– А допустим, ты живёшь в мире, где победа невозможна. Ну вот невозможна, и всё тут. Все знают, что враг неминуемо победит либо будет глухая ничья.

Верховный вскочил, опрокинув стул.

– Не смей такое! Вы что! На гауптвахте будете сидеть до самого конца мировой истории. Даже думать такое не рискуйте. С такими мыслями лучше сразу не жить.

– Не будем кипятиться, – муркнул Вындрик, – это нам для исследования. Будто мы доктора.

В палату оперативно вошли охранники с бердышами наперевес. Немного отпыхтевшись, Верховный отослал их обратно и снова уселся за стол переговоров.

– Когда ты думаешь только о победе, то открывается новое измерение – видишь вокруг себя и на горизонте что-то такое, чего раньше не видел?

– Победа как оптика? Это мне близко. В каждом из нас и в каждой окружающей нас вещи есть что-то военное. Во всём можно увидеть оружие или иное средство борьбы с врагом. Я сам – это прежде всего оружие: меч, щит, реактивный миномёт.

– Отравляющий газ.

– Да. Когда ты думаешь о победе над абсолютным врагом, ты знаешь, что весь мир – это поле битвы. И эта война длится от начала времён. Каждый должен выбрать, на чьей он стороне. Всё остальное детали. Некоторые рисуют себе картины, в которых враг отождествляется с каким-нибудь жутким существом, с какой-нибудь ужасающей стихией, с каким-нибудь жестоким принципом. Но это так – для пушного остервенения.

– А когда ты рано или поздно помер? В бою или так. Что с тобой будет?

– Это как скамейка запасных. Смерть – это тоже происки врага. Когда враг будет повержен, смерти больше не будет. То есть все мёртвые снова будут живы. Если они, конечно, внесли свой вклад в эту победу, а не перешли на сторону зла и смерти.

– Воскреснут, что ли? – буркала Вындрика расширились сверх всяких приличий.

– Так точно. Воскреснут. Будто и не умирали вовсе.

– А время случаем не остановится?

– Скорее всего.

– И какая она будет – вечная победа?

– Если ты и захочешь застыть в каком-нибудь мгновении, то это как раз миг победы. Он соединит в себе все блага, которые ты только можешь вообразить, и великое множество тех, что не можешь. Ничем не замутнённых благ, заметь.

– Значит, победу над врагом можно понимать как некий абсолют?

– Не только можно, но и строго нужно. Победа над врагом – это конец мира, к которому мы привыкли, конец всей истории, которая есть не что иное, как война добра и зла.

Вындрик жестоко вгрызся в свою мякоть, вылавливая вражески укусившую его блоху.

§ 8. Видение Вындрика о том, как он проживает жизнь ради победы

Жил-был Вындрик собака лютый и всю жизнь искал достойного соперника, чтобы одержать настоящую победу. Но так никого равного себе и не нашёл. Поэтому пришлось вступить ему в сражение с самим собой. Началась битва не на жизнь, а на смерть. Да так до сих пор и не закончилась, потому что силы поединщиков оказались странным образом равны. Стороны несут потери, но не сдаются. И ничью тоже не признают, ибо компромисс в этой войне невозможен.

§ 9. Коронное резюме Ивана-дурака

– Мы на Руси, конечно, любим повоевать. Морды друг другу побить и тому подобное. Это весело. Но из-за того что мы это дело любим, его у нас слишком много. А из-за того что его у нас слишком много, мы его не любим. Когда слишком долго воюешь, уже и победа не в радость. Так что мы на всё готовы, лишь бы, как говорится, не было войны. Потому ваш смысл, конечно, хороший, но недостаточно. Средний такой.

§ 10. Убытие из урочища

– Не пора ли нам, – рявкнул Вындрик, чуя недоброе, – уже пойти отсюда.

– Пожалуй, пора, – вкрадчиво прошептал Павлин Матвеевич. – Мы и так много времени отняли у занятого человека.

– Так что же, – приподнялся Верховный, – принимаете вы наш смысл? Записываетесь добровольцами в нашу армию добра, а не зловольцами в армию зла?

– Да я с радостью, – бесстрашно отвечал Иван. – Вы меня практически убедили. Для русского человека в самый раз. В общем-то трудно даже себе представить, что может быть лучше.

Мы ведь ничего делать не умеем и не хотим. Но только скажи, что это для военных целей – откуда берутся творческие энергии и всяческое мастерство. Только нам ещё надо побродить тут, посмотреть другие смыслы.

– Другие смыслы? – выразил суровое недоумение главнокомандующий. – Это вы, получается, предатели? Клеветы? Эмиссары врага? Я тут перед вами битый час распинаюсь, а вы “побродить”? Да я вам десять лет расстрела. А ну, стража! Хватайте-ка этих смыслопродавцев. Им наша победа не по вкусу.

Тут, пока Павлин Матвеевич кричал своё привычное “вы не имеете права” и “это незаконно”, Вындрик как выпустил из всех орудий своего массивного тельца все виды ядовитых веществ, ажно в помещении вообще стало невозможно находиться. Стражники и Главнокомандующий ослепли, оглохли и стали задыхаться. Иван и его команда ринулись на выход, но ставка была окружена войсками. Тогда они в окно, а там крутой склон горы. Вындрик не смутился – лёг на бок и покатился по склону, ему хоть бы что. За ним, что делать, так же покатились оба остальные. Вслед за ними полетели всевозможные боевые снаряды.

Глава XIX. Китеж-град – Урочище миролюбцев, где безымянный мимими пищит, что смысл – это мир

§ 1. Духовное проникновение в урочище

Вындрику нравилось катиться – камешки и пеньки бодро чесали его пухлую тушку. Ивану-дураку было всё равно. А вот федеральный адвокат Павлин Матвеевич Брыкля был уверен, что настали его последние минуты, и очень хотел выпить коньяку. Однако же никто не разбился, и более того – вскоре возникло ощущение, что скатывание осуществляется не вниз, в смертоносную бездну, а прямо-таки вверх, и в связи с этим резко замедляется.

Вындрик встал на четыре лапы, Иван на две, а господин Брыкля ухватился за попавшиеся выступы местности и попытался зафиксировать своё тело с мятущимся духом внутри. Обернувшись, путники могли увидеть, что каким-то загадочным образом Урочище победолюбцев, стоявшее надо всей Невидимой Русью, теперь оказалось внизу. Кверху же от них располагался чудесный холм, на котором не было ни камней, ни коряг, но простирался чуть ли не луг с мягкой травой и пахучими цветами. На вершине холма виднелись ажурные белоснежные сооружения, напоминавшие чаши из лепестков.

Вындрик усиленно зашевелил складками на своей так называемой физиономии.

– Чую. Там опять смысл. Душистый и пушистый. Почти как я. Надо идти туда.

– Ещё один такой смысл – и я на вас в суд подам, – отдышался Павлин Матвеевич.

– Да я и сам подам, – неожиданно сознался Иван. – Всю дорогу бьют, жгут, сожрать пытаются. Редкий дурак такое вытерпит. Очень агрессивная деловая среда.

Вындрик уже мчался по диагональному лугу в сторону кружевных строений. Иван и Павлин поплелись за ним – Иван хромая, Павлин на четвереньках.

Оказавшись не вершине, они обнаружили, что теперь этот холм возвышался надо всю Русью Невидимой. Узорчатые же конструкции были сплошь населены какими-то людьми-пандами. Часть из них уже облепила Вындрика, то ли приняв за своего, то ли наоборот. Вскоре окружили они и дурака с адвокатом. Все пандолюди были запредельно милые, однако их круг неуклонно сужался, так что Брыкля уже принял боевую адвокатскую стойку, готовясь категорически протестовать. Но тут явился наиглавнейший человек-панда – настолько милый, что всякое желание протестовать пропадало даже у самого прожжённого и самого федерального адвоката.

– Я вас ни о чём не спрашиваю, добрые люди, – ласково пропел пандочеловек и плюхнулся на задницу. – Это было бы изошрённой формой агрессии с моей стороны. А мы против всякой агрессии, даже самой утончённой. Вы пришли – значит вам это надо. К тому же вы пришли к нам, в обитель мира, где рады любым гостям.

Федеральный адвокат хотел спросить, не является ли вопиющей агрессией демонстрация такого оголтелого миролюбия, но его вовремя перебил Иван, которого интересовали гораздо более геостратегические вещи.

– Как так получается, что ваш холм оказался выше всех? Мы только что были в Урочище победолюбцев – и оно было выше всех.

При упоминании победолюбцев многие пандолюди так загрустили, что их немедленно стало жалко до печёночных колিক. Павлин Матвеевич не мог себе этого позволить и внёс ясность.

– Нам пришлось экстренно покинуть эту резиденцию из-за непреодолимых концептуальных разногласий.

– На Руси Невидимой каждое урочище выше всех, когда в нём находишься, – вежливо и культурно отвечив главный человекопанда. – Сами не знаем, почему так. Но, с другой стороны, это некоторым образом подчёркивает относительность всякой позиции, подрывает фанатизм и воспитывает гибкость.

– Как тебя зовут, милочек? – прорвался из пелены невинных забав Вындрик.

– Личное имя – это знак злобы и агрессии. Попытка противопоставить себя другим. Обращение к кому-то по имени – это попытка принудить его к общению. Мы отказались от имён. Если вы что-то хотите узнать, просто обращайтесь в пространство – кто знает и готов свободно поделиться своим знанием, тот вам ответит.

– А ты, значит, тут главный? – начал свой контрольный обнюх собака лютый.

– Главенство – это насилие. У нас этого тоже нет. Просто я самый общительный.

§ 2. Хождение по урочищу

Иван-дурак, не то чтобы недолго, а вообще нисколько не думая, перешёл к делу.

– Ну и какой у вас тут смысл?

– Наш смысл – это мир, – внезапно ответил совсем другой человек-панда, который до этого просто стоял и тупо пялился на Павлина Матвеевича, так что тому стало почти неудобно и возмутительно. Иван повернулся в сторону говорившего.

– В каком смысле мир?

– В смысле полного отсутствия какой-либо злобы и желания причинить кому-либо вред, – ответил уже третий пандочеловек, стоявший сзади.

– Господа товарищи, – заявил Павлин Матвеевич, – внезапно отвечать со спины – это форма агрессии. Во избежание инцидентов, прошу такую практику временно приостановить. За спиной путников сразу стало пусто.

– Что, прямо совсем-совсем полного отсутствия? – не поверил Иван. – А ну как враги нападут? С ними тоже мир?

– Человек всегда придумывает себе врагов, – ответил ещё какой-то человекопанда; теперь они сгрудились, и нельзя было различить, кто из них кто. – Высшая победа – это предотвращение всех возможных ссор и противостояний. Настоящая победа надо всеми врагами – это отказ от самих понятий победы и вражды.

– То есть если на вас нападут, вы не будете отбиваться? – продолжал не верить Иван.

– Мы не будем никому причинять вред и ни к кому применять силу, – сказал очередной пандочеловек. – В этом весь смысл.

– Надо же, – Иван так и сел прямо на траву, – и как же это жители соседних урочищ до сих пор к вам не наведались.

– Они нас не видят. В упор. Наше урочище – это невидимый град Китеж.

– Разве мы и так не в Невидимой Руси, – выразил крайнее недоумение Иван.

– У нас тут двойная невидимость. Мы невидимы даже внутри невидимого. Видимость тоже может быть формой агрессии.

– И как же тогда мы вас нашли?

– Вы сами спасались от агрессии и к тому же вы открыты душой нараспашку. Пришли не навязывать что-либо, а наоборот – что-то найти. Поэтому вы нас видите. Там, на Руси видимой, всё, конечно, не так. Миротлюбцам приходится много страдать от злых людей. Их почти не осталось, а кто остался, прячутся по скитам да погребам.

– Если вы за мир, то за мир во всём мире или как?

– Само собой. Только мы не боремся за мир, как у вас там бывает. Всякая борьба нам противна. Мы упражняемся в полном ненасилии и непричинении какого-либо вреда кому бы то ни было. То есть своим примером показываем, что такое истинный мир.

– А что если, – каверзно выступил федеральный адвокат, – ненасилие причиняет вред или непричинение вреда оказывается насилем?

Пандолюди переглянулись с дружелюбным подозрением. Кто-то из них всё же ответил.

– Для нас это одно и то же. Разве кто-то хочет сам, чтобы ему причинили вред?

– Ещё как, – торжествовал Брыкля.

– Это тоже форма агрессии, – заключил ещё кто-то из толпы миролюбцев. – Агрессии по отношению к самому себе, переходящей в агрессивные требования к другим.

– Агрессию в сторону самого себя вы тоже признаёте?

– Тут у нас есть разные позиции. Мы их не противопоставляем и друг с другом не спорим, а каждую из них считаем некоторым образом правдивой. Одна позиция – что да, самого себя тоже нужно холить и лелеять, вред себе никаким образом не причинять и ничего делать себя не заставлять. Другая позиция – что так можно с собой поступать, но только в крайнем случае. Этот крайний случай – когда ты должен себя ограничить, чтобы не причинять вред другим. И некоторые из нас доходят до такого самоограничения, что не пользуются никакими вещами, изготовление которых связано с малейшим вредом кому-либо, вешают сеточку передо ртом, чтобы никого ненароком не проглотить, и при ходьбе метут перед собой специальным веничком, чтобы ни на кого нечаянно не наступить.

– Как же они кормятся?

– Подаяниями. А иные и вовсе отказываются от еды и тихо помирают от голода. Особенно если заболели или состарились. Но это, повторю, крайний случай.

– Ну это явный экстремизм, – вынужден был констатировать Павлин Матвеевич.

– Потому мы своё учение и не афишируем, – ответили ему пандоиды-экстремисты. – Всякое навязывание есть зло, а наше учение настолько совершенно, что его показ будет равносителен навязыванию. Тем более что некоторые прямо воспринимают его как вызов и сразу начинают нас заирать и всячески над нами издеваться.

Человекопанды были при этом такие милые, что даже Вындрик не выдержал и стал их поглаживать своей загрубевшей лапой.

– Бедненькие.

– Меня уже начинает подташнивать от них, – прошептал на ухо Ивану Брыкля. – Может, пройдемся по фотороботу и двинем отсюда. Какая-то невыносимая тут атмосфера. Настоящий правовой нигилизм.

– Нет уж, погодите, – завредничал подслушавший Вындрик, – мне вот интересно. Что это собственно такое – мир этот ваш? Что в нём хорошего вообще? Может, мне нравится драться, толкаться, грызться, кусаться и всё такое.

– Это в тебе клокочет неутолённая злоба. Ты не представляешь, какой блаженный покой наступает, когда все злобные порывы исключены, когда у тебя нет даже мысли противопоставить что-либо чему-либо или кого-либо кому-либо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.